

ЛЕНА СОКОЛ

С тобой?

НИКОГДА!

Лена Сокол

С тобой? Никогда!

Серия «Молодежная серия», книга 6

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40523496
С тобой? Никогда! / Лена Сокол: Эксмо; Москва; 2019
ISBN 978-5-04-102803-9

Аннотация

Она была толстушкой, чью внешность прилюдно высмеял самый красивый мальчик школы. Но все изменилось: теперь Даша учится в институте, она преобразилась, и у нее нет отбоя от кавалеров. Случайная встреча с обидчиком пробуждает в памяти воспоминания о старых обидах и... прежние чувства.

Забыть о прошлом и дать своей любви второй шанс? Или отомстить за унижение?

Содержание

1	5
2	10
3	16
4	22
5	29
6	37
7	46
8	57
9	68
10	79
11	86
12	97
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Лена Сокол

С тобой? Никогда!

Каждый день мы делаем выбор.

Сказанное слово или холодное молчание. Движение навстречу или нежелание обернуться, когда уходишь. Правда или ложь, чувства или разум.

Часто от этого выбора зависит наша дальнейшая судьба.

Всего один короткий миг, когда ты решаешь, как поступить, – именно от него зависит, каким будет твоё завтра.

Не ошибись. Всегда будь собой и слушай своё сердце!

Посвящается моему мужу, который семнадцать лет назад дал мне второй шанс. Женья, я тебя очень сильно люблю!

Р. С. Надеюсь, ты не пожалел о своём решении)

Р. Р. С. Даже если пожалел, то теперь это только твои проблемы! Мвуаха-ха-ха!

1

Даша

Красивый мальчик с красивым именем Ярослав.

Или Ярик, как его звали друзья. Он единственный не смеялся над моей полнотой. Может, потому, что мы были соседями, а может, потому, что он был воспитанным и добрым, я не знала, но с каждым днем он нравился мне все больше и больше.

Я родилась и выросла в необычной семье: воспитывала меня бабушка. Одна, без чьей-либо помощи. Первое слово, которое я произнесла, не «мама», а нежное «баба» – вот, пожалуй, и все, чем я отличалась от других детей.

Бабуля делала все возможное, чтобы ее внучка чувствовала себя полноценной. И только в садике я заметила, что у всех есть красивые мамы и сильные папы. А у меня была лишь бабушка. О моих родителях она рассказала, когда я стала старше и пошла в школу.

С моей мамой, своей дочерью, она почему-то не ладила. Та прогуливала занятия в школе, с трудом окончила десять классов, провалила поступление в университет и попала в плохую компанию. Бабуля говорила, что была слишком стро-

гой с ней и редко говорила, что любит, наверное, все проблемы с дочерью были из-за этого. Теперь уж не узнать точно. Но мама ушла из дома и вернулась лишь через два года со мной на руках.

Она передала бабушке сверток, в котором кто-то шевелился и кряхтел. Бабуля растерянно прошла с ним в спальню, чтобы развернуть его, а когда вернулась, мама уже исчезла – так же неожиданно, как и появилась. Без объяснений и лишних слов.

С грудным младенцем бабушке пришлось трудно: нужно было срочно покупать смеси, пеленки, соски и перестраивать налаженную жизнь. Оставить меня одну она не могла, сдать куда-то ей и в голову не пришло. Хорошо хоть на работе вошли в ее положение и перевели на неполный рабочий день.

С утра она обычно сдавала меня в ясли, а после обеда летела обратно, чтобы забрать и покормить. Когда я болела, бабуля просила присмотреть за мной кого-нибудь из соседей. Не все соглашались, но вскоре в соседнюю квартиру въехала молодая семья с ребенком, и женщина, которая сидела дома с новорожденным сынишкой, забирала меня днем на несколько часов к себе. Бабушка благодарила ее как могла: хлебом, молоком, яйцами, а летом и первым урожаем с собственного огорода.

Я росла, души не чая в маме-бабушке. А она щедро одаривала меня вниманием и теплом, которые недодала по молодости дочери, ставшей непутевой кукушкой, как бабуля го-

ворила, по ее же вине.

Наверное, именно из-за желания окружить меня заботой, одеть, поставить на ноги, накормить бабушка и упустила момент, когда наши домашние чайные посиделки и кулинарные эксперименты закончились тем, что в девятом классе я весила около восьмидесяти килограммов.

Конечно, я оставалась для нее красавицей и «сладкой пампушечкой», но трудно было не заметить ее беспокойства, если речь заходила о моей внешности. Сверстники хихикали надо мной, украдкой показывали пальцем, но мне удавалось это игнорировать до поры до времени.

Пока не пришел момент очередного медосмотра. Поверьте, для полного человека нет ничего хуже, чем раздеться в присутствии других людей. Я прекрасно понимала, что мои красивые одноклассницы, которые весят на двадцать-тридцать килограммов меньше меня, выглядят лучше, но тот факт, что у них не хватало такта удержаться от комментариев при виде моего тела, все равно ужасно обижал.

– Гляди, какие у нее складки!

– Фу!

– Позорище!

Мне становилось ужасно стыдно, когда до меня долетали ехидные шепотки. Не только за свой вес, но и за них. За то, что их родители не объяснили своим красивым дочерям, что человек порой не виноват, что выглядит не так, как все. И, как вариант, что он может быть доволен своим телом.

Хотя, если честно, я не была. Мне хотелось провалиться на месте вместо того, чтобы вставать на эти чертовы весы. Я шла к ним как на эшафот. Молила, чтобы все закончилось быстро. Прыг – стрелка замерла, и можно слезать, пока никто не увидел, на какой цифре она замерла.

Но девочки, наоборот, толпились вокруг меня в ожидании зрелища. И под грозный, поторапливающий оклик медсестры я все-таки встала на весы. В воздухе повисла гнетущая тишина. Кто-то охнул, но я боялась смотреть вниз.

– Восемьдесят? – спросил кто-то нетерпеливо.

– Гы-ы... Восемьдесят два! – прозвучало как приговор.

И только я открыла глаза, чтобы обреченно глянуть на дрожащую стрелку, как медработница, словно издеваясь, переспросила:

– Ско-о-лько?! – и замерла с тетрадью в руке.

– Восемьдесят два, Вера Афанасьевна, вот смотрите! – расступились они.

Мне хотелось крикнуть, что во всем виноваты колготки и майка, что если их снять, то стрелка отклонится назад на десять кило, но я не проронила ни звука. Так и продолжала стоять, краснея, и ждать, пока закончится моя минута «славы» и бесконечного позора.

– Ну ты, Дашка, и колбаса! – сказала Яна, самая высокая и худая из девчонок.

И все дружно расхохотались.

А я бросилась за ширму – одеваться.

Именно с этого и начались беспощадные издевательства.

«Баржа», «Жиртрестина», «Сало», «Плюшка», «Дирижабль», «Винни-Пух» – мерзкие словечки чередовались, сменяя друг друга. Но обидное «Колбаса» прицепилась намертво. И за это я люто ненавидела Янку и ее впалые конопатые щеки.

2

– Больше не буду есть. Совсем, – заявила я, вернувшись домой и сев за стол.

Бабушка как раз раскладывала по тарелкам мясо с овощами. Пахло безумно вкусно, и мой рот моментально наполнился слюной. Самое время, чтобы сдаться, но воспоминания о том, как одноклассницы дружно смеялись над моим весом, все еще неприятно горчили на языке.

– Что случилось, булочка? – ласково спросила бабуля, откладывая ложку в сторону.

– И ты туда же! – едва не разрыдалась я.

– Да что стряслось?!

– Они... они... – Я склонилась над столом и спрятала лицо в ладонях. – Обзывают меня жирной!

– Кто?

– Девочки! – крикнула я.

– А-а, вот в чем дело... – вздохнула бабушка. – Все очевидно: они тебе просто завидуют.

– Бабуль, – я посмотрела на нее в упор, – зачем ты мне врешь? – Шмыгнула носом и утерла слезу. – Ты же должна быть на моей стороне! Пытаешься успокоить, а надо признать: есть проблема. И не просто какая-то там, а настоящая проблемища!

– Ну... – задумчиво протянула бабушка.

Она такая добрая, не хочет меня огорчать. Но мы обе прекрасно понимали, что все зашло слишком далеко, и мое ожидание приобретает, так скажем, размах.

Я тоже хотела, как вредная Янка, носить джинсы в обличку, крохотные топы, короткие сарафаны и не стесняться выпирающих целлюлитных ляжек. Мне очень хотелось быть как все и больше не стыдиться, покупая трусы, на которые уходило больше ткани, чем на Янкины юбки.

Мне не хотелось краснеть, отправляясь в мужской отдел, чтобы выбрать футболку по размеру, не хотелось, чтобы брюки стирались между ног от ходьбы. Я мечтала носить шорты и платья, хотела выйти на солнечный свет, а не прятаться в полутьме, скрывавшей мои недостатки. Мечтала надеть что-то яркого цвета, а не надоевшее черного, который был лучшей маскировкой моих складок и округлостей.

Мечтала покупать одежду в ближайшем универмаге, как все нормальные люди, а не носить сшитое бабушкой.

– Они считают своим долгом убедить меня, что я хуже! Я для них человек второго сорта!

– Булоч... – бабуля запнулась на полуслове, – Дашенька...

– Все, больше не буду есть! Не хочу! – отмахнулась я.

– Но ведь совсем не есть нельзя. – Она присела рядом и погладила мое запястье.

Я отдернула руку:

– Можно!

– Язву зарабатываешь. Нужно несколько раз в день, но по-

немногу. Давай хотя бы так, ладно?

Я вскочила, забрала у нее ложку, выловила из кастрюли маленький кусочек морковки, четвертинку картофелины и села обратно за стол. Совсем не есть у меня и так не получилось бы.

– Не слушала бы ты их, Дашуль, – огорченно произнесла бабуля.

– Легко сказать! – Я сунула в рот морковку, прожевала и проглотила. – Мне стыдно ходить в школу. Они все на меня пялятся. Смеются! Я больше туда не пойду!

Проглотила картофелину, не жуя. Вскочила, налила стакан воды, выпила – так, кажется, учат в передачах про здоровье?

– Ну и пусть смеются. Они глупые. Только недалекий человек смеется над чужими недостатками.

Есть захотелось еще сильнее. А при взгляде на мясо у меня даже закружилась голова.

– Это все ты виновата! Ты! – Слезы покатались большими горячими горошинами по щекам. – Ты меня сделала такой! И твои блинчики, супы и пироги!

Бабушка поникла, побледнела. На ее лице было столько растерянности, вины, удивления, но я думала только о своей обиде. А еще о том, что ужасно хочу накинуться на рагу и стрескать его все за обе щеки. Но не могу.

Топнув ногой, я убежала в свою комнату. Бросилась на кровать лицом вниз и разрыдалась. Почему я такая? За что

мне это? Почему другие девчонки как лебеди, а я... слон! Неуклюжая, огромная, неповоротливая. Жирная. Это слово горело на мне клеймом.

Разве можно быть собой, когда так выглядишь? Искренне улыбаться и надеяться, что когда-то будешь счастливой? Жить, осознавая, что внутри ты такая же, как они, тростиночка? Просто внутренняя стройная и легкая Даша почему-то обросла горой жира, за которой ее настоящую никто и не видит.

И, конечно, я зря обидела бабушку, ведь она всегда хотела как лучше: радовать меня, заменить мне маму, окружить заботой. А вместо благодарности я взяла и выплеснула на нее весь свой гнев.

– Все будет хорошо, моя девочка, – раздалось над ухом, когда я почти уже успокоилась. Бабушка села на кровать и погладила меня по спине. Ее рука дрожала. – На самом деле неважно, как ты выглядишь. Важно, что чувствуешь. Если принимаешь себя и свое тело таким, какое оно есть, то обязательно найдется человек, который полюбит тебя такой. Я же люблю. – Она вздохнула. – Но если тебе некомфортно и ты хочешь похудеть, я попробую тебе помочь справиться с этим.

– Не хочу, чтобы меня обзывали Колбасой, – всхлипнула я в подушку.

Она похлопала меня по спине шершавой, натруженной на хлебозаводе рукой.

– Они не будут, детка. Но тебе нужно научиться давать отпор.

– Мне драться с ними?

– Нет.

– Отвечать чем-то обидным? – Я перевернулась и посмотрела на бабушку. – Обзывать? Как?

Она улыбнулась, прищурившись.

– Если тебя оскорбляют, никогда не отвечай. – Бабушка погладила меня по голове. – Ведь если на тебя лает собака, ты не встаешь на четвереньки и не лаешь в ответ?

– Молча терпеть?

– С достоинством. Они еще слишком глупы. Вот вырастут и поймут.

– Они не глупы. Они жестоки!

– Чем ниже интеллект, тем громче оскорбления. – Она подмигнула, но меня это не утешило.

Нет! Я все для себя решила. Сколько бы она меня ни утешала, проблема в том, что я много жру. Нужно научиться считать калории, записаться в тренажерный зал, отказаться от сахара, купить утягивающие трусы. Похудеть или умереть!

– Опять Ярик бренчит, – раздосадованно сказала бабуля.

И посмотрела на стену с укором, словно она и была тем самым вредным Яриком.

– Не бренчит – играет, – улыбнулась я и тут же покраснела под ее взглядом.

Мне всегда нравилось слушать, как сосед играет на фортепиано. У меня перехватывало дух от его музыки.

Я могла часами сидеть на полу у стены и слушать, как Ярик это делает. Казалось, весь мир оживает, стоит ему только коснуться клавиш. Он был рожден для музыки, а музыка для него. Возможность слушать его и наслаждаться каждым звуком – настоящее волшебство. Дивные минуты, наполненные летящими сквозь стену мелодиями, были единственным лучом света в моей серой жизни.

3

А худеть оказалось не так уж и трудно. Я провела выходные, изучая всевозможные диеты, и поняла, что самый подходящий для меня вариант – отказаться от сладкого, жирного, соленого и употреблять больше белков.

Как водится, начала с понедельника. Встала, выпила два стакана воды, позавтракала большим зеленым яблоком. Желудок по пути в школу недовольно ворчал, но сильно расстраиваться не стал – видимо, надеялся на плотный обед.

Не тут-то было! Столовую я решила обходить стороной и даже дала себе слово не приближаться к ней, чтобы не соблазняться ароматами супа и картофельного пюре с котлетой. Достала в полдень цельнозерновой хлебец и сгрызла его, запив водой из фонтанчика. Банан, который положила мне с собой бабушка, так и не тронула – лишние углеводы мне ни к чему.

После уроков я летела домой словно на крыльях: пустой живот будто прилип к спине, в теле ощущалась невиданная легкость. Но уже спустя несколько минут меня пригвоздило к асфальту терпким ароматом свежей выпечки, доносившимся из соседней с нашим домом булочной.

Сила воли давала первый сбой: в желудке протяжно заурчало, усилилось слюноотделение, ноги чуть не подкосились от слабости. А в мозгу кто-то противный и жирный ласково

и так задушевно зашептал: «Иди туда, иди. Брось все! Зачем тебе худеть? Всего одна плюшка с сахаром, ничего же не будет. М-м-м-м... Моя пре-е-елость...»

Тряхнув головой, чтобы отогнать наваждение, я решительно сорвалась с места и помчалась к дому. Но запахи не сдавались: кондитерская, колбасный магазин, ларек с хот-догами – они все тянулись ко мне наглыми ароматными щупальцами из приоткрытых окон и вентиляции, расположенной у входа.

Прижав сумку к груди, я со всех ног ринулась в подъезд. Взлетела по лестнице, ворвалась в квартиру и захлопнула дверь.

Желудок уже исполнял адскую арию. Я села на диван перед телевизором, решив отвлечься от мыслей о еде.

«Гастрономический поединок», «Три с половиной повара», «Незванный ужин» – я щелкала пультом до посинения, но на каждом канале меня ждало очередное издевательское шоу: «Райская кухня», «Готовим с Ургантом», «Едим на природе»... Даже «Выбираем зеленый горошек с Андроном Тривольновым» на Первом канале встал на сторону зла, демонстрируя мне утопающие в нежном сиропе бобовые.

Меня трясло от злости, но я знала, как победить: уж киноканалы никак не могли меня подвести. Щелк! «Голодные игры»! Ну за что?..

– А у меня здесь супчик, – пропела бабуля, появляясь из кухни.

– И ты туда же, – застонала я, выключая телевизор и падая на подушки.

Я знала, что нужно просто перетерпеть. Есть по чуть-чуть, и желудок уменьшится. Но почему-то именно сейчас ужасно хотелось кричать, громить все вокруг и убить кого-нибудь, но из доступных потенциальных жертв рядом была только бабушка.

– Легкий суп: нежирная курица, морковка, зелень, – сказала она виновато.

«С хлебом! – умолял внутренний голос. – Мяса, хлеба, вермишели, картошки! Много картошки, да! Шлифануть все это булкой и тортом со сливочным кремом. Ням!» И я понеслась на кухню.

Конечно, бабушка сдалась.

– Всего один кусочек, – дрожал мой голос, когда я брала хлеб.

– Всего один, – кивала она, открывая хлебницу.

– Ложку сметанки.

– Небольшую.

– Чай? Баранку?

И понеслось...

Очень скоро на смену чувству сытости пришел стыд. «Как ты могла забыть, ради чего все это?! Колбаса! Колбаса! Жирная колбаса!» И я побежала к компьютеру, чтобы снова изучать вопросы похудения.

– Ученые пришли к выводу, – вещала тощая, как жердь,

«Ютьюб»-гугру, – что если на мозг воздействовать две с половиной минуты с помощью запаха, то непременно придет насыщение.

Значит, выходит, что если две с половиной минуты нюхать в супермаркете по очереди хлеб, пирожные и окорок, то больше не захочется есть? Вау!

Вооруженная этими знаниями, на следующий же день после школы я завалилась в супермаркет. Воровато прокралась к хлебному отделу, огляделась, а затем взяла свежее испеченный французский длинный батон, поднесла к носу и медленно втянула его аромат.

Меня моментально вштырило! Воображение рисовало изощренные способы поедания этого самого батона: с маслом, медом, сыром, джемом, шоколадной пастой. Чуть слюной весь прилавок не забрызгала. «Что там дальше?» С трудом отложила батон и взялась за булочки. Продолжая озираться по сторонам, подносила к носу плюшки, саечки, рогалики, лаваш, слойки с ветчиной, рогалики с маком. Нюхала, нюхала, нюхала...

– Всего кусочек... – прошептала я, дрожа всем телом, и приоткрыла рот.

– Дашка, ты?

От неожиданности я отбросила от себя рогалик. Передо мной стояла одноклассница Машка Сурикова. Не сказать, что мы с ней ладили или общались часто, но, по крайней мере, ни она, ни ее брат-двойняшка никогда не смеялись над

моим весом. Что уже могло являться основанием для того, чтобы мы поздоровались, не передувив друг друга.

– Привет! – улыбнулась она.

Мелкая, глазищи на пол-лица, два озорных хвостика. Маша была стройной, как омар, а я рядом с ней смотрелась мешком прошлогодней картошки.

– Привет, – привычно напряглась я.

– Ты чего здесь?

– Ничего, – я замялась.

– Ясно! – Она пожала плечами. – А мы с друзьями со двора собираемся ко мне в гости. Пашка, мой брат, пиццу будет готовить, вот ищем ингредиенты. Хочешь с нами? – Девчонка улыбнулась и, похоже, довольно искренне. – В смысле в гости. На пиццу.

От двукратного повторения слова «пицца» у меня чуть не подкосились ноги.

– Нет! – выпалила я испуганно. И тут же постаралась взять себя в руки: – Нет, прости, сейчас не могу.

– Ну ладно, – как будто бы даже расстроилась она.

– Это кто? Твоя мама? – вдруг спросил подошедший незнакомый парень, взглянув на меня, и положил руку на плечо Маши.

Следом за ним подтянулись еще двое: среди них были светловолосая девочка и Машкин брат.

– Нет. – Маша покраснела, отодвигаясь от него.

– Мне пора, – буркнула я.

Развернулась и бросилась прочь. Мне хотелось провалиться сквозь землю. Хотя с таким весом... Топнешь сильнее, того и гляди, земля сама разверзнется и поглотит тебя.

Я бежала домой и ненавидела себя. Складки на моем животе тряслись, подпрыгивали и плавно опускались обратно. И вдруг... Не знаю, что произошло – озарение какое-то. А почему, собственно говоря, я должна прислушиваться к ним? Ко всем этим хамам, которые считают себя вправе решать, какой ты должна быть, чтобы нравиться им. Хочу ли я им нравиться? Или мне все равно?

И на душе сразу стало легче.

Почти вприпрыжку от радости я добежала до дома, переоделась в домашний костюм, отправилась на кухню и напекла самых вкусных в мире блинчиков – промасленных, тонких, румяных. Какое же блаженство я испытала, поедая их! Макала в сметану, в сгущенку, в растопленное сливочное масло с солью. Вот это блаженство! Вот это вкус! Не пресные овощи, не капустные листья, доводящие до изжоги, не клейстер из овсянки – вот пища богов!

Я вытерла руки и поставила чайник. Как раз в это время раздался звонок в дверь. «Бабуля», – обрадовалась я, выбегая в коридор. Дернула за ручку двери, даже масло с губ не стерла – так торопилась порадовать ее известием, что больше не худею, и... потеряла дар речи. Потому что на пороге стоял Ярик. Он с интересом посмотрел на мой фартук.

– Привет! – сказал он.

Я не могла поверить своим глазам. Ярик у двери нашей квартиры! Совсем как в детстве, когда наши мамы, точнее, его мама и моя бабушка, по очереди забирали нас из детского сада.

Я смутно помнила подробности нашей дружбы: в какие игры мы играли, оставаясь в его комнате вдвоем, какие игрушки делили на двоих, когда вместе гуляли во дворе. Но я отчетливо помнила чувство, которое рождалось у меня в душе в его присутствии, – счастье.

Сформулировать это получилось только сейчас, а тогда можно было разве что догадываться, почему мне так здорово рядом с ним.

– П-привет... – пробормотала я, часто моргая от удивления.

И тогда Ярослав улыбнулся. Когда этот мальчишка улыбался, его лицо – до последней черточке и ямочек на щеках – превращалось в сияющую улыбку. И, видимо, поэтому у меня так больно кольнуло в груди – я все еще помнила это. Просто забыла, какой эффект эта улыбка производит, начиная от заходящегося в болезненном стуке сердца и заканчивая моментально потерявшими твердость ногами.

– Как дела? – задал он дежурный вопрос.

И нервно почесал затылок.

– А... – растерялась я. – А...

Мне понадобилось сглотнуть, чтобы не задохнуться от волнения. Если по-хорошему, то мне срочно нужно было принять ледяной душ, а потом вылететь в открытый космос, где никто не услышит, как я ору: «А-а-а, боже! Это он! Пришел ко мне домой! Держите меня семеро!»

– Хорошо! – таков, на мой взгляд, разумный ответ.

Я сейчас уже и не помнила, почему мы перестали общаться. Вероятно, потому, что он мальчик, а я девочка. Нас распределили в разные классы, у нас появились собственные интересы, его заставили ходить после уроков в музыкалку, а меня на продленку, и наши пути больше не пересекались.

Но это теперь неважно, ведь он стоит на пороге, улыбается, и меня снова охватывает знакомое чувство безграничного счастья, природа которого не поддавалась никакому объяснению. Ярик...

Достаточно высокий, с коротко стриженными темными волосами, торчащими на макушке в разные стороны. С чувственными мягкими губами, мужественным носом и пронзительными, внимательными темно-карими глазами. Его плечи определенно стали шире, а черты лица заострились, но вот тонкий беловатый шрам на лбу остался.

– А я... – замешкался он.

И запустил длинные, тонкие пальцы в шевелюру. «Боже, какие же у него красивые руки, словно специально создан-

ные для музыки».

– В общем, у меня дверь захлопнулась, – наконец сказал Ярик.

И снова улыбнулся, чтобы добить меня, а заодно и мои дрожащие от волнения колени. «Вау!» – чуть не вырвалось у меня, потому что Ярик растерянно хлопнул ресницами, и выглядело это так, будто он строил мне глазки.

– А я... – Мне каким-то чудом удалось сохранить равновесие. – Я блинчики напекла...

И густо покрылась краской, ожидая, что он посмеется над жалкой толстухой, которая зазывает его на обед.

– Так мне можно войти? – просиял он.

И я покраснела еще сильнее.

– Конечно.

– М-м-м... – Скинув тапочки, Ярик улыбнулся: – А я думал, чем у вас так всегда вкусно пахнет!

– Да вот, хотела бабушку порадовать. – И видя, что парень замешкался у порога, махнула в сторону кухни. – Хочешь чаю?

– Спасибо, не откажусь.

Если бы он только знал, какая буря эмоций бушевала в этот момент в голове неуклюжей толстухи-девятиклассницы! Мне одновременно хотелось переодеться, причесаться, убрать на кухне и упасть в обморок. Я не имела совершенно никакого опыта в общении с мальчишками, тем более с такими обаятельными, как он.

Пропустив Ярика вперед, я метнулась к зеркалу: ужас! Волосы всклокочены, щеки пылают, на лбу испарина, да еще и весь фартук в пятнах!

– Черный, зеленый, кофе? – спросила я, лихорадочно сдирая с себя перепачканный передник.

– Черный.

– С лимоном, молоком, корицей, имбирем, сливками? – Я по-быстрому пригладила волосы.

– Любой. – Когда он обернулся, я уже стояла позади, смущенно улыбаясь и пытаюсь отдышаться.

– Так, значит, – сдула я упавшую на лицо прядь, – ты не можешь попасть домой?

– Точняк! – сообщил он, запросто падая на свободный стул. – Решил сходить к соседям сверху погладить лошадь, которая так звонко стучит копытами по паркету, но не учел, что моя дверь захлопнется от сквозняка.

– Лошадь... – я с трудом отодрала язык от неба. – А-а-а... Вот ты о чем!

И мы рассмеялись.

Звонко, непринужденно. Клянусь, если бы Ярик отвернулся, я сплясала бы джигу-дрыгу.

– Над тобой живет многодетная семья, кажется?

– Ага. У их детей ножки, как маленькие молоточки. Стучат, стучат, стучат... А мне нужно готовиться к экзаменам.

– Думаю, они просто мстят за твои музыкальные экзерсисы, – сказала я, ставя чайник на плиту под его внимательным

взглядом.

– Что, так слышно? – спросил Ярик.

Он закатал рукава и голодным взглядом уставился на румяные, ароматные блины.

– Очень слышно, – краснея, улыбнулась я, – но мне нравится, как ты играешь.

Ярик потянулся к блинам, и тут на меня что-то нашло – шлепнула его по руке:

– А руки мыть? – И тут же осеклась: – Ой, прости!

– Строгая ты. – Он так весело рассмеялся, что у меня сразу словно груз с души спал.

Ярик вскочил и радостно бросился к раковине.

– Полотенце. – Я протянула идеально белый кусок вафельного полотна, который бабушка ласково называла рукотермом.

– Спасибо.

Парень обернулся, мы встретились взглядами – и я с удивлением обнаружила, что Ярослав не смотрел на меня ни с презрением, как другие сверстники, ни даже с жалостью, как это делали люди постарше. Он смотрел на меня так, будто вовсе не замечал, что я была не такой, как все. Словно смотрел внутрь меня, в самое сердце.

Рядом с таким высоким, крепким юношей я ощущала себя менее габаритной. И, клянусь, мне нравилось это необычное ощущение!

– Сметаны? – почему-то кокетливо спросила я.

И опять удивилась: «Неужели ты так умеешь?»

– А можно маслица растопить? – Ярик явно испытывал похожую неловкость.

Я сунула в микроволновку тарелку с брусочком масла из холодильника. Бабушка бы отругала меня: она не признавала современной техники и растопила бы масло на плите, но я торопилась накормить гостя.

– М-м-м-м... – неприлично застонал Ярослав, откусив от блина, скрученного в трубочку. И нетерпеливо потянулся к тарелочке с маслом.

– Посолить немного?

Он только кивнул.

– Ешь!

– Фпафиба... – промычал парень, щедро обмакнув блин и сунув в рот.

Села напротив него и устроила подбородок на руке. Как же я его понимала! Вот эти довольные полузакатившиеся от блаженства глаза, блестящие от масла губы, работающие в усиленном темпе и вдруг замедляющиеся челюсти. О да, Ярик по-настоящему кайфовал. Такое нельзя имитировать. И виной этой его гастрономической эйфории были мои блины.

– М-м-м... – снова и снова мычал он, уминая угощение.

На тарелке оставалось все меньше и меньше блинчиков. А я любовалась им, напрочь забыв о смущении.

– Даш! – вдруг позвал он, вытаскивая меня из задумчи-

ВОСТИ.

– А? – Я резко выпрямилась.

– Чайник кипит.

Он улыбнулся.

Ты-дыщ! Контрольный прямо в сердце.

Ну нельзя же так!

Я вскочила и бросилась к плите. Мне показалось, что я вспорхнула. Так легко мне давно не было. Кажется, Земля меня больше не держала. Я определенно парила в облаках!

5

«Он просто общается. Потому что он милый и вежливый. По-другому и не может быть», – думала я, когда мы стояли с Яриком лицом к лицу в дверях на следующий день.

– Снег в парке уже растаял. Я специально сходил и проверил. Пора открывать сезон! – с воодушевлением говорил он.

Да что с тобой не так, парень? До меня никак не доходило, что привлекает его в общении со мной. Почему он зовет меня кататься в парк на роликах? Может, его заставили родители? Или моя бабушка заплатила ему за это?

– Ну... я это... – Невозможно было смотреть в его сияющее радостью лицо и не краснеть от смущения. – Не умею на роликах...

– Идем! – нетерпеливо воскликнул сосед. – Я научу.

– Но...

– Никаких «но»!

Пришлось одеваться и выходить.

– И роликов у меня тоже нет. – Прыгая по ступенькам, как маленький счастливый бегемотик, переживала я.

– Солнышко светит! Ручьи текут! Прокат со вчерашнего дня открылся! – перешагивая через две ступеньки, вещал Ярик.

И его настроение передалось мне. Подумаешь, покачусь, теряя равновесие, как дрессированный медведь на коньках.

Да что я теряю? У меня и так ничего и никого нет. А Ярик ведет себя так, будто в упор не замечает моих недостатков.

– Неужели ты не помнишь, *откуда* у меня этот шрам? – спросил, смеясь он, когда мы сели на скамейку, чтобы надеть ролики.

Ярик сдвинул шапку на макушку, обнажая лоб.

– Нет. А должна?

– Вспоминай, Ласточкина!

(Да, не смейтесь – это моя фамилия. Легкая и летящая фамилия у слоноподобного подростка – не иначе как насмешка природы).

– Ты упал с велика в детстве? Скатился лицом вниз по лестнице? – предположила, согнувшись в три погибели и пытаясь надеть ролики. – Может, играл в войнушку и получил вишневой косточкой в лоб?

– Да уж. Это точно была вражеская пуля. – Закончив с обуванием, парень с интересом наблюдал за моими мучениями.

– Правда? – выпрямилась я.

Попыталась сдуть выбившуюся из-под шапки светлую прядь, но та, кажется, намертво прилипла к вспотевшему лбу.

– Неужели не помнишь? – Он недоверчиво посмотрел на меня.

– Не-а.

Ярик протянул руку, и я задрожала, поняв, что он хочет

коснуться моего лица. «Ой, нет. Нет! Голова, не кружись так!»

Но жар поднимался все выше и уже подбирался к шее. Становилось трудно дышать. Парень наклонился и осторожно отодвинул непослушную прядь с моего лба. Затем смущенно улыбнулся.

– Что? Говори! – Меня обжигало волнением. Я чуть не подпрыгнула вслед за сердцем, больно толкнувшимся в груди.

– Это из-за баранки, – со вздохом сказал он и потер шрам на лбу.

– Какой еще баранки? – нахмурилась я.

– С маком.

И тут я вспомнила. Ужас! Позорище-то какое...

Мы качались во дворе на качелях, нам было года по три-четыре, не больше. Бабушка шла с работы и угостила нас баранками. Помню, как быстро, почти не жуя, я умяла свою и покосилась на Ярика. Мальчонка, моментально догадавшись, что я собираюсь сделать, крепко вцепился ручонками в надкушенное хлебобулочное изделие.

– Дай!

– Не дам! – Он поджал губы и нахмурил бровки.

– Дай, Ялик!

– Неть.

Я вспомнила, что, обидевшись, схватила пластмассовую лопатку и ударила его со всей силы по лбу. Ох... Он кричал,

как девчонка. Ныл, выл, звенел ультразвуком на весь двор. Все соседи тогда сбежались. Возможно, как раз после этого его мама и запретила ему играть с жадной толстой соседской девчонкой.

– Вспомнила... – Я опустила взгляд.

Щеки полыхали от стыда.

– Было весело, – усмехнулся Ярик.

Встал со скамейки и аккуратно, чтобы не упасть, присел и помог мне закрепить ролики на каждой ноге.

– Спасибо, – пробормотала я, – и прости.

А ничего ведь не изменилось: я все та же соседская толстушка, готовая драться за баранки. Вот же стыдоба...

– За что? – Ярик встал и протянул мне руку. – За маленький шрам, который ты оставила мне на память? Ерунда. Зато каждый день, глядя в зеркало, я вспоминаю тебя.

Я уставилась на него, не зная, как реагировать и что сказать. Может, он шутил?

– Поехали! – Он протянул мне руку.

Как сказать ему, что если я встану, то покачусь вниз по дороге, сбивая людей, коляски с детьми, деревья и лотки с мороженым?

– Я боюсь...

– Со мной можешь ничего не бояться! – Он решительно протянул и вторую руку.

Кто-то хихикнул. Я обернулась: две тощие селедки моего возраста на соседней скамейке надевали ролики, без стесне-

ния поглядывая на нас.

«Ну и смейтесь!» – решила я.

Ухватила за ладони Ярика и решительно встала.

– Ой! – Я неловко покачнулась.

– Не бойся! – Он сжал мои руки крепче.

Отъехал назад и легонько потянул меня за собой.

– Ай! Ай-ай-ай-ай... – пропищала я тихо-тихо.

И поняла, что... еду за ним! Еду! Он катил меня осторожно. Смотрел прямо в глаза. И, черт возьми, опять улыбался! Ну нельзя же так! Когда я еду, раскорячившись, вспотевшая, с выпученными от страха глазами, в распахнутой куртке, глотая ветер открытым ртом, вот так нагло, обаятельно и весело улыбаться нельзя!

– Ты едешь, Дашка! Едешь! – рассмеялся он.

И мне хотелось плакать от счастья.

Теперь Ярик держал меня за одну руку и ехал рядом. Селетки больше не смеялись, они остались где-то позади. А я не спеша катилась по широкой дороге, улыбаясь первым щедрым солнечным лучам. И больше не чувствовала себя неуклюжей коровой. И мы держались за руки!

И какое-то детское чувство накрывало меня с головой: он мальчик, я девочка, между нами происходит что-то необыкновенное. Стоит ему посмотреть на меня – и щеки вспыхивают, сердце стучит в два раза быстрее, а планета замедляется и пропускает один оборот вокруг своей оси. Возможно, я немного преувеличиваю, но притяжение уже не действует.

Мы в облаках!

– Значит, ты станешь музыкантом? – спросила я Ярослава, когда мы остановились у какого-то киоска, сделав огромный круг по парку.

Было так жарко, что хотелось скинуть куртку и упасть на едва проклюнувшуюся из-под земли и снега зеленую травку.

– Да! – кивнул он, боясь отпустить меня, чтобы я не потеряла равновесие и не грохнулась на асфальт.

– Так и вижу тебя за старинным роялем в большой столичной консерватории! – призналась я. – Клавиши оживают под твоими пальцами, зал сначала замирает, а потом отчаянно аплодирует. Ты – виртуоз, талантливый импровизатор, лауреат множества музыкальных премий и желанный гость на любом концерте. Ух!

Ярик удивленно заморгал:

– Говоришь как мой отец.

– У тебя точно все получится. – Я крепче вцепилась в него пальцами и чуть не задохнулась, едва он подъехал ближе. – Я слышала, как ты играешь, и могу заверить: это божественно. Особенно вот эта мелодия: па-а-ам, пам, пам, па-пам, па-па-па-пам! Пам па-а-аам!

Наверное, вышло не очень похоже, потому что он нахмурился.

– Это моя мелодия, – его голос даже похолодел, – я сам ее написал.

– Правда?! – Мне хотелось обнять его, хотя бы взглядом. –

Она же крутая! Сумасшедшая, яркая... Офигенная!

– Думаешь? – словно не верил Ярик.

– Точно тебе говорю.

Я неловко покачнулась и буквально въехала в его объятия.

– Спасибо, – проговорил он, близко наклонившись ко мне, обжигая дыханием.

Я почувствовала, как его твердые ладони обхватили то место, где у меня должна была быть талия. Даже через ткань куртки я ощущала жар его рук.

– С... с твоим талантом, – пытаюсь прочесть его взгляд, выдавила тихо, – у тебя получится все, что захочешь.

Ярик не спешил с ответом. Отпускать меня, надо заметить, тоже не торопился. Молча смотрел на меня и будто отчаянно не пускал что-то, рвавшееся изнутри на волю. И казался таким серьезным, что меня пробирало буквально до мурашек. Мы замерли, не зная, что делать с этой внезапной близостью, и молчали, боясь сболтнуть лишнее.

– Хочешь мороженого? – наконец хрипло спросил он.

«Капустные кочерыжки, листья салата, сухие хлебцы, зеленая фасоль, грудка, яблоки, огурцы – никаких вредных вкусов!» – вяло, но все-таки сработала сигнализация где-то на задворках моего сознания.

– Конечно, хочу! – погружаясь в глубину его немигающих глаз, выпалила я.

– Тогда жди! – Ярик улыбнулся. Отпустил меня, убедился,

что я стою твердо, и усмехнулся: – И постарайся дожидаться меня, не упав.

– Да-да-да-да! – пропищала я тихо, как мышь.

И облегченно выдохнула, едва он отвернулся и отъехал к ларьку. Теперь можно было позволить себе хоть мгновение не втягивать живот. Фух!

Проводила Ярика взглядом и отвернулась. Поспешно стерла ладонью пот со лба, подставила лицо первым солнечным лучам и улыбнулась, пытаясь унять разрывавшее меня изнутри непривычное волнение.

– Даш? – испугал меня его голос.

Я тут же опустила руки и прогнала торжествующее выражение со своего лица. Обернулась.

– Что?

– Ты не сказала, какое мороженое будешь, – крикнул он.

Приказав ногам не разъезжаться, я улыбнулась:

– Шоколадное!

– С орешками и сиропом?

Как я могла сказать «нет»?

– Да-а-а!

6

– Я больше года копил на синтезатор, – сознался Ярик, – а как теперь принести его домой, не знаю.

Мы сидели на краю лавочки, вытянув ноги, обутые в одинаковые ботинки с колесиками, и щурились от ярких солнечных лучей.

– А в чем проблема? – спросила я, откусывая хрустящий край вафельного рожка.

Шоколадное мороженое переливалось светло-коричневым и мягким кофейным на солнышке, оно сладко пахло нежным какао, и у меня с трудом получалось сдерживаться, чтобы не сточить сразу все.

– У меня отец – дирижер. Выдающийся. – Ярик как-то устало опустил плечи и поник. – Мы его почти не видим, постоянно в филармонии или на гастролях, но жестко контролирует мою учебу. Музыка, я имею в виду. – Он жадно откусил самый кончик фисташкового мороженого и посмотрел на меня. – У него большие планы на мой «талант». – Ярик качнул головой и рассмеялся: – А я хочу собрать банду и играть рок. Вот куда меня тянет.

– Тебе нравится рок? – удивилась я.

И тут же вспомнила заводную композицию, которой оканчивались все его музыкальные упражнения. Ну еще бы! Так и есть: если к ней добавить гитару, побольше басов, ударные,

отвязный вокал – да она заиграет совсем по-другому!

– Еще как! – Он заметно оживился. – Хочешь пойти со мной на концерт? В субботу «Purple Eagles» выступают в клубе «Чайка» в девять вечера.

– Конечно! – обрадовалась я. У меня внутри затрепетало от предвкушения. – Надо только отпроситься у бабушки. Вряд ли она надолго отпустит девятиклассницу, да еще в такое место.

Я знать не знала, что за «Пепл иглс» и какую музыку они играют. Но мне было все равно: оказаться вдвоем в полутьме наполненного музыкой танцпола в толпе скачущих людей – это ли не кайф?

– Мы можем сказать твоей бабушке, что делаем вместе какой-нибудь проект, – предложил Ярик. – Сходим на часик – и домой. Как тебе?

– Она, конечно, будет переживать, но я – за!

– Вот и отлично, – улыбнулся парень.

– Так где твой синтезатор? Ты так и не сказал, – напомнила я, облизывая шоколадное мороженое. – Куда ты его спрятал?

В его глазах мелькнул огонек авантюризма.

– Мы с моим другом Борей договорились с завхозом школы, и нам выделили комнатку в подвальном помещении. – Он с хрустом отломил зубами край рожка. – Где лыжный инвентарь хранится, помнишь?

– Да.

– Вот. Там есть небольшая комнатка, без окон. В ней разрешили репетировать пару часов в неделю. Прохладно там, зато не слышно ничего – звукоизоляция отменная. Мы уже поставили синтезатор, притащили гитару Борькину, осталось найти еще пару человек, и у нас будет своя группа.

– Здорово, – произнесла я мечтательно, – хотелось бы побывать на вашей репетиции.

– Приходи, конечно, буду рад! – воскликнул Ярик.

И вдруг наклонился ко мне близко-близко... Я вздрогнула и замерла.

– Ты чего? – Я расправила плечи.

– Шоколад! – Он нежно провел пальцем возле моей губы. – Ты испачкалась.

Стер следы мороженого и судорожно выдохнул.

– А-а... Ясно, – пробормотала я, наблюдая, как неохотно он отодвигается обратно.

– А ты о чем мечтаешь? – вдруг спросил Ярик.

– Я... – Я посмотрела на его перемазанный шоколадом палец, который он без стеснения сунул в рот, чтобы облизнуть. – Я...

«Боже, помоги мне придумать хоть что-нибудь вразумительное! И немедленно!»

Да, я мечтала. Человек не может не мечтать. Мечтала похудеть, мечтала завести настоящих друзей, мечтала идти по улице и чтобы в меня не тыкали пальцами. Чтобы перестали обзывать – изо всех сил мечтала! Но никогда не думала

о том, чего я хочу от жизни.

Вот Ярик – он был рожден для музыки. Такие, как Янка Логунова, тощая задавака, рождена для того, чтобы трясти костями на подиуме, рекламируя трусы-ниточки и купальники, сшитые из носовых платков, для таких же тощих задавак, как она. А я? Ведь я не умею абсолютно ничего, что бы выделяло меня из толпы. Разве что есть. Поглощать пищу, испытывая неземной кайф и нереальное наслаждение. Но разве это талант?

– Я... – Покосилась на аппетитный светло-зеленый рожок в руках Ярика, политый глазурью и посыпанный орешками.

– Что? – вытянул шею парень.

– Дай откусить, а? – ляпнула я.

И с того дня если не все, то многое изменилось в моей жизни. Учителя нагружали нас домашними заданиями и проводили контрольные работы все чаще, ведь подготовка к экзаменам была в полном разгаре, одноклассники по-прежнему хихикали за моей спиной по поводу моей полноты, а я все еще критически относилась к своему отражению в зеркале. Правда, мне удалось каким-то невероятным образом умерить свой аппетит.

Наверное, потому что я постоянно думала о нем – о Ярике. Когда просыпалась утром, когда подходила к окну и любовалась озорными ручейками, бегущими вниз по улице, когда разговаривала с бабушкой или делала уроки. Мысли об

этом парне не покидали меня ни на секунду. И даже весеннее солнце светило ярче обычного, ведь теперь в моей жизни был он.

За поход в клуб «Чайка» я получила от бабушки знатный нагоняй, но могу сказать с полной уверенностью: это того стоило. Большое темное помещение, десятки молодых людей и сотни рук, поднятых вверх. Теснота, духота и гул, отдающийся свистом в ушах. Честно? Музыканты оказались какими-то придурками, каркающими в микрофон и бездумно бряцающими по струнам гитар в темноте, но эффект, производимый волнами музыки, прошивающей тела собравшихся насквозь, отчего-то запомнился мне особенно.

Острый дух бунтарства, свобода, безбашенность, легкость – все это словно отрывало нас в общем порыве от земли. Мы прыгали, визжали, смеялись и странно дергались, пытаюсь попасть движениями в рваный ритм мелодий, и все это делало нас, прыщавых девятиклассников, нереально крутыми. Сближало.

Мы с Ярославом танцевали, глядя друг другу в глаза. Подпрыгивали и покачивались, так тесно прижавшись, что от непрерывающегося соприкосновения разными частями тела мою кожу буквально жгло током.

В этот момент, рядом с высоким и красивым юношей я больше не ощущала себя неуклюжей бегемотихой – я могла быть собой: смешной, дурашливой, веселой. В полутьме клуба, наполненного музыкой, запахами парфюма и пота, никто

не видел складок на моей талии и моих жирных ляжек. И я чувствовала необыкновенную легкость еще и потому, что точно знала: я нравлюсь Ярику и такой.

Случайные прикосновения. Каждый взгляд – как в замедленной съемке. Смущенная улыбка – и его улыбка поддержки в ответ. Звонкий смех. Возможно, глупая толстая девчонка все придумала, но тогда я точно знала: он тоже тянется ко мне. Ему приятно быть со мной рядом. И наши пальцы, которые во время танца то и дело переплетались, – все это не могло быть случайностью.

И тот поцелуй, который чуть не состоялся, его я тоже не могла себе придумать.

Дыша прерывисто и шумно, я откинула волосы с лица. Короткий перерыв между мелодиями, всего пара секунд. Свет скользнул по шраму на лбу Ярослава, прокатился вниз по длинным пальцам, чиркнул по темно-синей рубашке в клеточку и поднялся вверх, к внимательным карим глазам.

Между нами было сантиметров десять. Он был выше меня еще на двадцать – это расстояние до губ. Почти ничтожная дистанция в рамках целой вселенной, но тогда преодолеть ее казалось чем-то вроде полета на Луну – непостижимо.

Он замер, и я прочитала в его взгляде совершенно определенное желание. «Вот сейчас это произойдет!» Я застыла, видя, как Ярик медленно наклоняется к моему лицу. Три, два, один... И какой-то верзила больно толкнул меня локтем и облил пивом.

Мой спутник моментально среагировал: вступился за меня, наградил незнакомца ответным толчком, завязалась перепалка. А я все стояла и думала: может, Ярик просто хотел что-то шепнуть мне на ушко. Чтобы сказать что-то в таком шуме, нужно наклониться. Именно это он и хотел сделать. Не более.

И даже, когда загрохотала новая композиция, эти мысли не отпускали меня: «Мы просто друзья. Мы классно провели вместе время. Отлично пообщались. Вот и все».

Я пришла в себя, когда Ярик взял меня за руку и вытянул на свежий воздух. Мы шли по ночной улице, и он рассказывал о том, как боится перечить отцу. Звонко смеялся, реагируя на мои глупые шутки. Словно нечаянно снова и снова прикасался к моему плечу. А я все еще мысленно переживала момент, наполненный ожиданием первого поцелуя и болезненной неуверенностью в себе.

– Вот и ты! – проворчала бабушка. Она вышла в подъезд, чтобы встретить меня. – Проект, говоришь! Занятие! Лабораторная! Да от тебя пивом разит за километр!

Она схватила меня за локоть и подтолкнула к двери квартиры, начисто лишив возможности попрощаться по-человечески. Я все еще лелеяла надежду, что порыв Ярика был искренним желанием поцеловать меня. Нужно только проверить, всего минутку наедине. Всего одну...

– Бабуль! – взмолилась я, оглядываясь на соседа.

Он стоял, спрятав руки в карманы джинсов, и смотрел на

бабушку, явно готовый выслушать о себе все, что угодно.

– Все из-за тебя, паразит! – Она махнула рукой в его сторону, будто нечистую силу отгоняла.

– Простите, Паулина Сергеевна, – спокойно ответил Ярик, – мы просто на последний автобус опоздали.

– Я тебе покажу автобус! – заворчала она. – Чтобы я тебя больше у нас не видела! – И уже шепотом: – Испортишь мне девку...

Парень кивнул, обреченно и покорно. У меня чуть слезы на глаза не навернулись от обиды. Но стоило бабушке отвернуться, как Ярик посмотрел на меня и хитро подмигнул мне. И тогда я поняла, что все будет хорошо.

Бабуля захлопнула дверь, продолжая ворчать. Слышно было, как отворяется дверь квартиры Ярика, как ругают его родители на лестничной клетке. А потом все затихло.

– Больше никаких Яриков! Никаких гулянок! Лучше бы уроки учила! – кудахтала бабушка, наливая мне чай. – Рано тебе еще с парнями вечерами шастать!

А я с мечтательным видом смотрела в окно на изогнутые шеи уличных фонарей, льющих свет на тротуар. «Наверное, Ярик тоже смотрит в этот момент на них». И улыбалась.

– Чего улыбаешься? Знаю я – видела уже эту улыбку. У матери твоей. Тоже вечно придет, глаза стеклянные, что говори с ней, что не говори – как неменяемая. – Бабуля села рядом, взяла мою руку и принялась лихорадочно ее гладить, словно боялась, что отпустит – и я убегу. – Ох, доченька, ра-

но тебе еще. Рано. С этих мальчишек все беды и начинаются. Послушай-ка ты меня. Я тебе добра желаю.

А я слушала только свое сердце.

Оно стучало быстро и торопливо, неслошь невообразимым галопом и шумело обещанием в висках: еще будет много возможностей. Много. Последний звонок, выпускной из девятого, репетиции, концерты, короткие встречи, длинные свидания. Все еще будет! И он обязательно меня поцелует. Вот увидите.

Подвальное помещение было сырым и темным. Низкие потолки, трубы над головой, железные вентили. За соседней дверью еще с советских времен хранились лыжи и крепления, дальше по коридору кучей были навалены лопаты, вилы, грабли, тачки. Запах стоял соответствующий – прелый, влажный и затхлый.

Охранник, который вручал парням ключи от подвальной каморки, каждый раз напоминал, что дышать здешней плесенью вредно для здоровья, но они только смеялись в ответ. И я с ними. Какая разница, что пыльно, грязно и сыро? У ребят теперь имелась своя комната! И пусть освещалась она всего лишь тусклой лампочкой, висящей под потолком, и сидеть можно было разве что на ободранном ветхом диване – отсутствие уюта никого не смущало.

Ярик сам позвал меня на первую «репу» – так они называли свои репетиции. Пару дней мы не виделись, а потом он подошел ко мне в школе на большой перемене.

– Ну как ты?

– Все норм. – Казалось, от его присутствия у меня язык приклеился к небу.

– Наказала тебя бабушка? – Яркая улыбка захватила все его лицо.

– Не-е-ет, – отмахнулась я. Соврала, и щеки немедленно

покраснели.

– А мой отец так орал, что я не мог и слова вставить! – признался парень.

Боже, на нас так все смотрели! Проходящие мимо ученики даже и не думали прятать взгляды – пялились на нас в открытую. Наверное, им было жутко интересно, что эта рослая полная деваха в широкой черной кофте может иметь общего с парнем, о котором втайне мечтали все девочки нашей параллели?

– Не повезло тебе, – улыбнулась я и уставилась на собственные кеды – все лучше, чем сгорать от волнения, глядя ему в лицо.

– После уроков занята? – Кажется, Ярик и не думал стесняться.

– Я? – удивленно спросила я.

Он огляделся по сторонам и нахмурил брови.

– Видишь здесь кого-то еще?

Мы стояли в центре живой толпы движущихся от столовой к расписанию и обратно школьников, а этот парень спрашивал, вижу ли я кого-то еще. Почему-то очень захотелось рассмеяться и придурочно захихикать от счастья.

– Не занята.

Мимо прошла тощая Янка. Она даже притормозила у расписания, чтобы украдкой оглянуться: вдруг ей показалось?

– Придешь к нам на репу? В подвал, – Ярик мотнул головой, указывая направление, – мы сегодня там обустроиваем-

ся.

Логунова продолжала с недоумением рассматривать моего собеседника.

– С удовольствием! – Я даже приосанилась и задрала подбородок. Пусть она видит, что это не мираж. Я болтаю с первым красавчиком школы – мы с ним друзья.

– Тогда жду тебя! – Он коснулся моего плеча, подмигнул и ушел.

Он! Коснулся! Моего плеча!

Я развернулась и деловито пошла в класс. Моя душа выдвигала сумасшедшие па где-то на седьмом небе от счастья. Весь урок Янка шепталась со своими подружками и пыталась испепелить меня взглядом, но мне было наплевать. Пусть думают что хотят. Это их дело. А у меня все теперь будет по-другому.

Ярик встретил меня на входе в подвал.

– Услышал шаги, решил тебя встретить. – Он взял меня за руку. – Осторожно, здесь мешки навалены. Идем! – Мы прошли по узкому коридору. – Добро пожаловать в нашу нору. У нас скромно, но со вкусом. А это Боря, знакомься.

Плотный, невысокого роста паренек с круглым лицом, сидя на краю дивана, настраивал гитару. Завидев меня, он отложил инструмент в сторону и подскочил.

– Привет! – махнул он рукой.

– Это Даша. Моя... – Ярик улыбнулся. – ...моя соседка. Подруга детства.

– Его дружище, – ужасно нервничая, зачем-то добавила я.

– Ага, ясно. Клево! – Боря указал на диван. – Садись. Играешь на чем-нибудь?

– Я? Нет, разве что у бабули на нервах.

– Прикольно! – рассмеялся парнишка.

Так и началась наша дружба.

Трижды в неделю я приходила после уроков в подвал, чтобы послушать, как они играют. Надо признаться, это было самое счастливое время в моей школьной жизни. Пусть и короткое, но очень яркое воспоминание тех лет. Я приносила им булочки или другую свою нехитрую стряпню, помогала с уборкой, сидела на диванчике, слушая, как раз за разом они проигрывают одни и те же партии, добиваясь лучшего звучания, и ощущала себя частью чего-то по-настоящему крутого и волшебного.

Можно сказать, я занимала привилегированное положение. Мне всегда были рады. Своими шутками я заставляла парней улыбаться и была первым слушателем их новых музыкальных композиций. Ни с чем не сравнимое ощущение! Я любила смотреть, как Ярик раскладывал свои заметки, нотные тетради, даже салфетки с набросанными на них карандашными пометками, усаживался напротив меня в полутьме каморки и впервые наигрывал новые мелодии на клавишных.

Да, было бы лукавством утверждать, что я слышала эти композиции впервые, ведь я проводила часы, сидя дома у

стены и прижавшись к ней ухом. Именно тогда и рождались его мелодии – с нескольких нот, с плавного перебора или ежедневной разминки. Я даже слышала, как ворчит его отец, появляясь в комнате, едва заслышав отступление от классической программы музыкальной школы.

Но Ярослав все равно находил время, когда родителей не было дома, чтобы порепетировать или сочинить что-то новое для их с Борей группы.

– Нет, группа – это сильно сказано, – усмехался Боря, терзая струны своей бас-гитары. – Нам бы определиться с направлением, довести все до ума, найти хорошего ударника, вокалиста и электрика. – Так они называли гитариста, который должен был играть на электрогитаре. – Где мы сейчас найдем ребят с инструментами?

– К нам парня перевели. – Пальцы Ярика ласкали клавиши синтезатора, и я не могла отвести от них взгляда. Наконец они замерли, и парень посмотрел на нас. – Он сегодня только второй день у нас, но общительный очень. Дима Калинин, вроде нормальный. Говорит, что немного на ударных играет. Может, посмотрим его?

– Можно! – оживился Боря.

– Правда, он сказал, что здесь не задержится. Осенью с мамой в Америку уезжает. Но за лето, пока он с нами, мы могли бы найти кого-то ему на замену.

– Да, спроси у него. А этот мажор, как его... – Гитарист почесал затылок. – Тимофей. Из десятого «А». Помнишь

его? Левицкий. Про него рассказывали, что у его отца денег немерено и он ему «Гибсон» подарил. Я слышал, что он устроил тогда вечеринку и соседи даже ментов вызвали.

Было заметно, что Ярику не очень нравится идея звать в группу кого-то «левого».

– Так у него просто гитара есть? Или он на ней играет? – нахмурился он.

– Это «Гибсон», братан! – Боря повернулся ко мне. – Представляешь, Дашка? «Гибсон»! Дорогуший! Там же звучание! Если у него папаня такой щедрый, может, нам и комбик хороший перепадет, а не этот ящик компостный. – Он скривился, глядя на старый усилитель. – Может, попробуем организовать настоящие выступления, а? В клубе, как взрослые. Где звук по ушам – ба-бааам! Где девчонки толпами! Скажи ему, Дашка, скажи!

И я кивнула, одновременно пожав плечами.

– Не знаю. – Ярик вернулся к синтезатору. – Может, не стоит торопиться. Я еще спрашиваю в музыкалке у ребят.

Но язык у Бори был как помело. Уже через неделю старшекласники прознали о нашем подвале и стали приходить туда. Тимофей Левицкий оказался коротко стриженным высоким хамом в дорогушем спортивном костюме. Поначалу он приходил, чтобы послушать ребят, потом притащил гитару, затем друзей и подруг, а еще позже уже стал диктовать свои правила.

Видно было, что Ярику это совсем не нравится. Он про-

должал приглядываться к новичкам. Да, ему лестно было получать восторженные отзывы о своей игре на синтезаторе. Но появление в каморке новых инструментов и серьезного усилителя, похоже, стало решающим фактором, и он решил смириться с присутствием этой компании.

Мне Левицкий сразу не понравился. Наглый, ехидный, высокомерный. Его мало интересовала музыка. Больше нравилось то обстоятельство, что у него теперь есть место, куда он мог приглашать других старшеклассников, чтобы те восхищенно глядели на то, как он бряцает по струнам, а потом запивали впечатления крепким пивом с сигаретами. На меня он косился недоверчиво или вовсе делал вид, что не замечал.

После репетиции Ярик обычно бережно накрывал чехлом свой синтезатор, забирал наши рюкзаки, и мы шли домой. А Тим со своей гоп-компанией оставался в подвале, чтобы дурачиться и тискать девчонок, пришедших восхититься его талантом.

– Как ты его терпишь? – удивлялась я, когда мы с Яриком шли по набережной домой.

Но Ярослав в обычной для себя манере отмахивался:

– Да он вроде нормальный. Дикий немного, но это воспитание. А играет, кажется, неплохо.

И всегда быстро переводил разговор на другую тему, чтобы не обсуждать свою «группу». Я чувствовала, что ему неприятно, но быстро забывала обо всем, едва мы оставались одни.

Мы могли болтать бесконечно. Вспоминать детство: размазанные по щекам ягоды, игры в песочнице или чтение «Дикой собаки Динго» под одеялом в свете фонаря. Эта подростковая книга считалась чтивом для взрослых, ведь она о первой любви. А нам, только ожидающим поступления в первый класс, едва научившимся читать по слогам, было жутко интересно, что же такое скрывают от нас взрослые, убирая ее от нас подальше.

Да, тогда мы смогли прочесть общими усилиями лишь пару первых страниц книги, а потом бросили. Важно было не это, а наличие большой общей тайны. Душный воздух под одним на двоих одеялом, свет фонарика во тьме, детские смешки, воспоминания о которых вызывали теперь лишь неловкость и какое-то странное тепло в животе. Но сейчас, когда книга уже была прочитана полностью и вовсе не казалась какой-то особенной или взрослой, эта память о времени, проведенном когда-то вместе, казалась нам настоящим подарком судьбы.

Мы гуляли вдвоем у пруда, кормили уток, обсуждали школьные дела, ходили друг к другу в гости на чай, пока родителей не было дома. И чувство чего-то прекрасного, творящегося между нами, делало эти мгновения поистине волшебными. «Дружба между нами? Не дружба? Что это тогда?» – сомнения постоянно сменяли друг друга, но одно оставалось неизменным: минуты летели с невероятной скоростью. Нам всегда было о чем поговорить, и никогда не бы-

ло скучно.

Неумолимо приближался май, а с ним и последний школьный звонок. На уроках физкультуры, которые я с трудом выносила, учитель больше не мучил нас кроссами и нормативами, а позволял играть в активные игры. В баскетбол и волейбол я не играла, потому что над моими медлительностью и неповоротливостью всегда ржали одноклассники.

А вот вышибалы были более сносны: минута позора, тебя вышибли, и ты свободен. Мальчишки почему-то вели себя сдержаннее, а вот девочки, они не могли упустить шанса, чтобы не проявить во всей красе свою жестокость. Они всегда метили сразу в меня. Кидали мяч в лицо или в живот, чтобы еще раз доказать, какая я большая и неуклюжая, чтобы было больше во всех смыслах.

Больше всех, конечно, старалась рыжая Яна. Ее особенно раздражали мои эластичные черные штаны, облегающие жирные ляжки, и моя широкая футболка – та была для нее как тряпка для быка.

Она привлекала к себе внимание хлопками и свистом, типа «смотрите, сейчас я выбью эту жируху». И все ее подружки ободряюще улюлюкали. У меня сердце колотилось как бешеное, когда она замахивалась под всеобщие крики. Я, как олень в свете фар, застывала от страха. А она кричала: «Держи, Колбаса!» – и с садистской улыбкой швыряла тяжеленный мяч, который каждый раз, как ни старайся, ударял меня.

Так вышло и на последнем уроке физ-ры. Мяч угодил мне

прямо в грудь и оставил грязный серый след. Класс взорвался хохотом. Я, отряхнувшись, молча ушла в раздевалку. Было больно дышать, но мне некому было жаловаться. Все все понимали и привычно молчали, даже учитель.

– Даш! – остановил меня Ярик на большой перемене.

Я только привела себя в порядок, но мои волосы все еще прилипали к потному лбу.

– Да? – постаралась я улыбнуться единственному лучику света в моем темном царстве оскорблений и унижений.

– А мы на последнем звонке выступаем, – радостно сообщил он и крепко стиснул мои руки. – Представляешь?

– Правда?

– Да! Нам дали пару минут, но это уже круто. Поможешь выбрать композицию?

– Конечно! – Внутри все сжалось от волнения.

– Тогда после уроков на нашем месте. – Он отпустил мои руки, улыбнулся и, поправив рюкзак на плече, пошел в класс.

В груди снова трепетали волшебные бабочки.

– Ты чего за ним таскаешься, Колбаса? – послышалось рядом.

Янка. Она тоже глядела Ярику вслед.

– Отвали, – буркнула я.

– Как собачонка за ним бегаешь.

– Мы дружим, – бросила я через плечо.

Но она не унималась:

– Дура! Думаешь, ты ему нравишься? Это же смешно!

Я еле сдержалась, чтобы не вернуться и не дать ей по башке.

– Дура! – злобно твякнула она мне в спину. – Зачем ему такая, как ты? Сама подумай!

Я шла в класс. Мне было все равно. Она ничего не знает. Не понимает. Они все дураки. Они еще увидят.

8

Каждому классу поручили приготовить небольшой номер на последний звонок, чтобы чем-то заполнить положенное для торжественного мероприятия время. Пустая затея, но, слава богу, меня она не касалась.

– Это должно быть как-то связано с нашими достижениями. Спорт, учеба, дополнительные занятия, – говорила Вера Романовна, наш классный руководитель. – Может, кто-то из вас прочтет стихи? Или разыграем сценку?

Я откровенно скучала на задней парте. Сидела и разглядывала завитушки на обложке тетради.

– Яночка, может, поставишь танец? – спросила педагог. – Ты столько лет ходишь в танцевальную студию.

– Я с удовольствием! – вытянулась в струнку Логунова. Как же она любила быть в центре внимания!

– Тогда собери команду. У вас десять дней для репетиций. Костюмы найдем на складе ТЮЗа или сошьем сами. Только что-то не слишком сложное, хорошо?

Яна закивала, а я подумала, что же она может такое придумать. Номер точно станет парадом тщеславия этой девицы, привыкшей блистать и любые начинания доводить до безупречности. Ее подружки радостно захлопали в ладоши – видимо, были в восторге от предстоящего выступления на мероприятии.

Я зевнула и отвернулась, чтобы не видеть их довольных лиц.

– Постарайся задействовать мальчишек, – попросила Вера Романовна, – или тех, кто вечно отлынивает.

Я вжала голову в плечи, но учительница покосилась не на меня, а на мигом побледневшую Тасю Фролову. Худенькой, мелкой отличнице тоже вечно доставалось от Янки и ее компании. Как правило, ни за что.

Девочка обычно старалась держаться подальше от обидчиков и не пыталась защищаться, что распаляло их еще сильнее. Если издевки Логуновой игнорировали, она только больше злилась, жертвы пытались огрызаться – она заводилась, как бешеная. Похоже, просто еще не нашелся кто-то, кто дал бы ей в репу, вот и все.

После урока я отправилась в туалет. Закрывшись в кабинке, услышала, как кто-то хихикает где-то рядом. Послышались торопливые шаги, громко лязгнула дверь. Я прислушалась: определенно что-то происходило. Кто-то стучал, царапался и тихонько всхлипывал.

Выйдя, я увидела Тасю. Она стояла, прислонившись плечом к двери. Толкала ее, но ничего не выходило. Судя по хохоту в коридоре, ее специально подпирали снаружи.

– Что случилось? – спросила я у нее шепотом.

– Они закрыли нас, – так же тихо ответила Тася.

Еще раз толкнула плечом в дверь и отошла. Бесплезно.

– Ну и пусть! – сказала я и сполоснула руки. – Сейчас про-

звенит звонок, и им придется отойти.

За дверью шумели голоса. Зачинщицам травли было так смешно, что они едва не лопались от смеха. Будто то, что они делали, было таким веселым и оригинальным, что невозможно удержаться от хохота.

– Я ведь ничего им плохого не делала, – опустила голову Фролова.

Она задумчиво уставилась на белый кафель, словно действительно пыталась вспомнить, чем могла насолить Логуновой и ее компанше.

– Не ищи причину в себе. – Я оглядела ее стройное маленькое тельце и подумала, что, кроме слабости характера, пожалуй, ничто не могло быть причиной для нападков на эту кроху. – Если не будет повода, они его выдумают.

– Я так устала... – По ее щеке покатились слезинка, за ней другая. – Позавчера они шли за мной по коридору и специально наступали на пятки. Заставили меня же и извиняться. Вчера накидали липких жвачек в капюшон, а сегодня это. Вот за что?

Шорохи за дверью усилились, смех тоже. Происходящее собирало все больше зрителей.

– Только не реви! – попросила я.

Огляделась. Взяла флакон с жидким мылом и подошла к двери. Наклонилась к замочной скважине – в отверстии что-то темнело. Так и есть, они смотрели на двух запертых в туалете школьниц-изгоев и ржали.

«Ну отлично. А как вам это?»

Я подставила к скважине дозатор флакона и с силой нажала. Вырвавшись, густая мыльная струя пульс влетела в дыру. Послышался вскрик. Затем копошение по ту сторону.

Воспользовавшись заминкой, я саданула дверь плечом изо всех сил. Обидчики бросились врассыпную, но не все: Янка присела у стены, закрыв ладонями глаза, и громко заныла. Возле нее, склонившись, уже охали ее прислужницы. Кажется, кому-то из них больно прилетело дверью, другие просто сочувствовали поверженной предводительнице.

Но что самое интересное: эти девочки смотрели на меня как на чудовище – с испугом, с отвращением. Словно это не они только что издевались над нами, а я – само исчадие ада, злодейка – посмела так жестоко поступить с ними.

И, конечно же, классная руководитель тоже была в ужасе от этого происшествия.

– Непостижимо! Бесчеловечно! – Она хваталась за голову, расхаживая туда-сюда по классу. – Они всего лишь пошутили, а ты...

– Да, – хныкала Логунова, потирая покрасневшие глаза, – мы всего на секундочку дверь придержали. Думали, там мальчишки, а она...

– Ты нарочно ударила девочек дверью и стреляла мылом в глаза Яне? – наклонилась над моей партой Вера Романовна.

Мои уши и щеки так сильно горели, что, казалось, из них сейчас повалит дым – со свистом, как из чайника. Я молчала.

Не собиралась оправдываться.

– Вот и что мне с тобой делать? И бабушку ведь твою жалко... Будет переживать...

Я покосилась на Янку, и мы обменялись ядовитыми взглядами. На секунду мне показалось, что она что-то задумала. Так оно и было:

– Я ее прощаю, – вдруг заявила она.

Святая Дева Мария, не иначе.

– Не надо меня прощать, – хрипло бросила я в ее сторону.

Но Янка только выше задрала сопливый красный нос:

– Возьмем ее на поруки, ребята? Все-таки праздник скоро. А? Пусть Ласточкина танцует с нами, Вера Романовна? Не нужно ничего говорить ее бабушке. Она исправится, вот увидите.

Мое лицо вытянулось от удивления. С чего такое благородство? Что она задумала?

Но очень скоро я поняла, что в этом-то и было наказание. Сколько ни отказывалась от участия в танце, угрозы вызвать в школу бабулю срабатывали, и в конце концов я сдалась. Уже на первой репетиции стало ясно: ламбаду Яночка выбрала не зря. Она знала, как тяжело мне придется вращать бедрами и крутить попой на фоне стройных, как тростинка, девочек.

И пусть стояла я позади всех, затеряться у меня не получалось: костюмы, которая Логунова придумала для танца, были страшным сном для любого, кто обладал хотя бы ста

граммами лишнего веса (а уж для меня и подавно). Узкий короткий топ, открывающий живот, и пышная короткая юбка.

Мне хотелось застрелиться.

Они притащили мне самый большой размер – мой костюм напоминал штору, наспех содранную с карниза, разделенную рывком на две части и обмотанную вокруг тела. Яркая, желтая, дешево блестящая и не поддающаяся глажке гигантская занавеска.

Фроловой повезло еще меньше: ей пришлось ушивать юбку с топом, чтобы те хоть как-то держались на ее костлявом теле. Полагаю, вместе мы смотрелись как Тимон и Пумба из известного мультфильма, и этот факт только подтверждал довольный Янкин взгляд. Она ликовала.

Логунова вообще была подозрительно ласкова со мной все дни репетиций – оно и понятно, на фоне таких неуклюжих танцовщиц она смотрелась просто богиней танца. Чего уж говорить, своим нелепым видом мы очень выгодно оттеняли ее на сцене.

Поэтому мне пришлось немного схитрить. Я купила такой же ткани в ближайшем магазине и, пусть и немного криво, но удлинила топ – прикрыла складки на выступающем животе. Затем ослабила резинку на юбке, впивавшуюся в талию, и тоже добавила ей немного длины. Решила: станцюю. Да станцюю так, чтобы Янка эта своей злостью подавилась! И вечерами усердно тренировалась в своей комнате у зеркала.

«Да, я большая. Но я большая и сильная», – сказала я себе перед самым выходом. Может, я и смотрелась нелепо с этими кудряшками и цветами в волосах, может, выделялась среди одноклассников полнотой, но не собиралась быть неуклюжей коровой на сцене. Ни за что!

Музыка, движения, улыбка во все лицо.

Мне казалось, что я парила над землей. Даже в глупом паровозике, когда мы танцевали, ухватившись за талии друг друга, я думала, что не зря скинула пять килограммов за последние два месяца – наверное, это было очень заметно. И Ярик, где бы он ни был, видел сейчас меня.

А потом мы дружно сошли со сцены и бросились переодеваться.

– О, ты такая... яркая! – остановил меня его голос в закулисной полутьме.

– Привет... – выдохнула я, затормозив. Смахнула пот со лба.

Ярик тащил свой синтезатор к сцене.

– Жаль, я не видел ваш танец, – с улыбкой сказал он, с интересом разглядывая мой наряд.

– Наверное, кто-нибудь снимал на видео, – ляпнула я, инстинктивно прикрывая руками объемный живот.

– Ага. Ну мне пора, мы выступаем через два номера, – замялся он.

– Беги!

– Ты... придешь?

Мне показалось или я увидела в его глазах надежду?

– Конечно, – засияла я, – только переоденусь.

Продолжая оглядываться на меня, Ярик потащил инструмент в сторону сцены.

– Чего встала? – Янка будто специально врезалась в меня плечом. – Нам нужно переодеться и все собрать, чтобы успеть на торжественную часть со звонком. – Она наморщила носик, взглянув вслед Ярику, затем оглядела меня с ног до головы и разочарованно качнула головой. – Так и знала, что ты испортишь костюм. Не забудь отпороть, что напришивала, а то у меня его не примут в костюмерной!

Я ее не стала слушать. Мне было все равно.

Кроме взгляда Ярика для меня вряд ли что-то имело большее значение. А он смотрел... он так смотрел на меня.

С замиранием сердца я переоделась и примчалась в зал. Музыкальные инструменты уже стояли на сцене рядом с ведущим, который рассказывал что-то веселое в микрофон. Зал реагировал задорным хохотом. Ребята-музыканты выстроились за кулисами, готовые выйти на сцену, как только их объявят.

Я, чтобы не отвлекать их и чтобы меня не погнали в зрительный зал, встала за шторку за их спинами. «Отсюда лучше видно и слышно. Я словно буду с ними рядом. С ним».

– Мне понравилось, как она двигала окорочками, – негромко сказал Левицкий своему приятелю на ухо, – как упругая и румяная курочка гриль. – Он изобразил движение,

и я сразу его узнала. Ламбада!

– Только не говори это ему, он обидится, – хрюкнул, смеясь, второй парень.

– Да она же не его девчонка! – толкнул его в бок Тимофей. В полутьме было видно, как скривил он свое лицо. – Я бы держал такую только для того, чтобы она покупала мне сигареты и пиво. Знаешь ведь, что жирные старше смотрятся?

Они тихо заржали, а у меня все внутренности стянуло узлом. Обида ударила жаром в лицо. Самым ужасным было то, что я не хотела, чтобы они повернулись и увидели здесь меня. Это еще хуже, чем слышать про себя такие вещи. Боже, как же это стыдно!

– Эй, Яра, – позвал Левицкий, касаясь его плеча рукой. – Мы тут спорим, эта девица с параметрами водонапорной башни, она твоя подружка или просто приятельница?

– Что?

Я видела, как он нахмурил брови, не понимая, о чем речь.

– Ты с ней гуляешь или просто...

Он не успел договорить. Ведущий как раз объявил их выход, и они двинулись на сцену.

Честно, не помню, как они выступали. У меня голова так пульсировала, что, казалось, она лопнет. Слезы безостановочно катились по щекам, я собирала их пальцами и вытирала о штору. А потом убежала в туалет, так и не дождавшись окончания композиции.

Умылась холодной водой, приказывая себе сжать зубы

крепче и не реветь. Пыталась выбросить их слова из головы, но они звучали и звучали. С трудом заставила себя вернуться в зал к одноклассникам. Стояла позади толпы, не дыша. С каменным лицом выслушала речи учителей о большом светлом пути, который ждет нас впереди. Мало кто из сверстников уходил из школы после девятого, поэтому эти слова я решила пропустить мимо ушей.

Едва все закончилось, направилась в класс. Накинула плащ, схватила сумку и поплелась домой. Ноги не шли – шаркали по-старушечьи, а сердце, кажется, даже не билось.

Хорошо, плакать больше не хотелось, будто всю душу мне выпотрошили, не оставив внутри ничего.

Он нагнал меня ближе к дому. Немного растерянный и всклокоченный.

– Дашка, ты чего меня не подождала?

– Что? Я... я просто устала.

– Ясно! – Ярик поравнялся со мной. – Видела наше выступление?

– Да. Прекрасно, как всегда. – Желудок скрутило узлом от еще свежих воспоминаний.

– Чуть не забыл тебе отдать. – Он вложил в мою безжизненную ладонь синюю флешку. – Записал тебе немного музыки...

На душе стало теплее. Его голос и светлая улыбка словно растопили во мне льдинки, оставленные злыми словами.

– И вот еще, – он достал из кармана мятый квадратик из

тонкого картона, – нашел дома. Этот снимок мама сделала, когда нам с тобой было лет по пять.

Я взяла карточку. Не могла не улыбнуться, глядя на нее. Маленький Ярик в розовых колготках и желтой майке сидел на ковре, сжимая в ручонках деревянный ксилофон. А рядом я в красном платье – с пластмассовым микрофоном в одной руке и с чем-то съестным в другой.

– Опять баранка? – горько усмехнулась я.

– Или пирожок, – рассмеялся он, – никак не могу понять.

Плохо видно.

– Ничего не изменилось...

– Да, ты такая же, – кивнул Ярик и серьезно добавил: –

Красивая.

И я заметила, как он сглотнул.

9

Две недели до выпускного выдались необычайно трудными. Днем я что-то зубрила, лежа на кровати с книжками. А вечером, если получалось, мы встречались с Ярославом – тайком, чтобы не травмировать бабушку.

Нет, мы не ходили за ручку. Мы не были парой.

И мы не могли преодолеть этот барьер – когда ты все уже понимаешь, когда все чувства на виду, только дотронься, прикоснись, поцелуй... Но ни один из нас пока не делал этого шага. Не мог решиться. Я – потому, что девочка, потому что толстая и не чувствующая уверенности в себе. А Ярик... Не знаю. Не знаю почему.

А еще не хотелось никуда торопиться. Все эти бабочки в животе, ощущение полета, волнения, сковывающего все тело при виде объекта симпатии, – это было так волшебно, так зыбко и воздушно, что не хотелось нарушать хрупкости того, что происходило тогда между нами.

Дни летели. Если я не занималась, то слушала, как играет за стеной Ярик, если не слушала его, то наслаждалась музыкой, которую он записал специально для меня: никакой классики, немного инди, альтернативного рока, соула и шепотка смежных жанров. Удивительно, но я видела в каждой мелодии его улыбку, ощущала его настроение и мальчишеский задор – эти песни и были самым Яриком: такие же светлые,

легкие, точно щедрое летнее солнышко, светившее за окном.

Когда я сдала первый экзамен, мы встретились у школы.

– Ну как? – поинтересовался Ярик. Он шел, опустив голову и спрятав руки в карманы. Так, словно ему почему-то было не по себе.

– Не знаю, – выдохнула я, – математика – это не мое, но мне удалось решить почти все. Надеюсь, какие-то из решений окажутся верными.

– Молодец! Я тоже, кажется, справился.

– На репу сегодня идем? – спросила я жизнерадостно.

– Я... Нет... – Его лицо стало мрачным, будто он вдруг подумал о чем-то плохом. – Я отменил их до выпускного. Нужно готовиться, а еще музыкалка... Ну ты знаешь...

– Да, – кивнула я, – не до репетиций пока. Кстати! Бабуля вчера на даче нашла старые пластинки. Вроде у тебя был проигрыватель. Может, послушаем их?

Его лицо смягчилось, на нем проступило заметное облегчение:

– Конечно!

А через полчаса мы уже были у него дома. Лежа на полу, слушали на виниле Высоцкого, битлов и все, что не успела выкинуть бабушка, убираясь в садовом домике. До прихода родителей Ярика оставался целый час, и у нас был миллион возможностей, чтобы поцеловаться, и никто бы нам не помешал. Но мы... почему-то не делали этого.

Я кивала в такт музыке, делая вид, что мне жутко нра-

вится эта композиция, а сама украдкой смотрела на него – на крепкие руки, на загоревшую на летнем солнце кожу, на мягкие черные волосы, в которые очень хотелось зарыться лицом, – и с трудом сдерживала улыбку.

Он уже не был мальчиком, но и мужчиной тоже не был – об этом говорили нежная, детская прелесть его лица, гладкость и мягкость кожи. Искренность и невинность его улыбки только подтверждали мои наблюдения.

Я больше не спрашивала себя, что со мной не так. Ко мне наконец пришло понимание: я влюбилась. Да, и поэтому трепетала всякий раз, увидев его.

А еще я хотела, чтобы он сам сделал первый шаг, ведь наше сближение было таким очевидным, таким явным, и каждый из нас понимал, к чему все идет.

Тогда я еще не знала, что он меня обманул.

Обычно люди создают образ человека, основываясь на том, как они общаются с ним наедине. Часто они даже не подозревают, что этот самый человек в компании друзей, сослуживцев, знакомых может вести себя совершенно по-иному.

Наверное, я тогда попала именно в эту ловушку. Была настолько уверена в происходящем между нами, что не оглядывалась по сторонам. Была слишком юной и наивной, поэтому верила, что действительно значу для него хоть что-то.

– Ты была вчера на их репетиции?

– Да, потрясно!

– Я сидела совсем рядом, а он так играл!

– Да, а этот мальчик на барабанах?

– Красивый, но, говорят, он скоро уедет. Зато гитарист свободен. Ни с кем не встречается.

– Нет, клавишник симпатичнее! Он из параллельного класса, помнишь? Я давно его заметила.

Я услышала этот разговор после очередного экзамена. Логунова шепталась с подружками. Хотя почему «шепталась»? Она делала это так громко, чтобы я могла расслышать каждое слово.

«Репетиция? Вчера? Но он же вроде сказал...»

– Завтра опять пойду, меня пригласили. Пойдешь со мной?

Не выдержав, я обернулась. И тут же получила полный брезгливости взгляд:

– Не подслушивай, Колбаса!

Такие, как Янка, всегда впереди. Весь мир для них. Они берут от жизни самое лучшее, самых красивых парней в том числе. А в Ярика после выступления на последнем звонке были влюблены почти все девушки нашей параллели, и для Янки было чем-то вроде вызова – заполучить его, чтобы доказать всем и самой себе, что она лучшая.

– Как экзамен? – Ярик дожидался меня за школой.

– Нормально. – Я улыбнулась уголками губ.

– У меня тоже.

– Скучаешь по репетициям? – спросила я и взглянула ему в глаза.

Ярик пожал плечами, медля с ответом. Спрятал руки в карманы, прочистил горло.

– Да, – на его лице отразилась неловкость, – есть немного.

– Я тоже...

На секунду мне стало так больно, будто мне опять швырнули мяч в лицо. А потом меня осенило: все это для меня! Он скрывает, что ходит на репетиции, потому что готовит мне сюрприз. Наверняка написал новую песню и не хочет, чтобы я услышала.

И снова все было как всегда.

Мы гуляли, слушали музыку, долго разговаривали, смеялись. Виделись почти каждый день. И если бы я тогда была хоть чуточку умнее, то сложила бы два и два: этот мальчик хотел дружить со мной, но только когда никто нас не видит.

– Ну как? – спросила бабушка.

Я крутилась перед зеркалом в сшитом ею на выпускной платье. Оно было темно-синим, с пайетками на лифе. Скрывало толщину моих рук и делало акцент на груди, чтобы замаскировать талию. Но особенную гордость у меня вызывал тот факт, что за день до этого, на финальной примерке, бабуле пришлось немного ушивать его, ведь я скинула еще пару килограммов.

– Просто нереально!

У меня даже дух захватывало.

Представляла, как приду в школу и буду кружиться в танце с Ярославом. Все будут смотреть на нас, а я буду счастлива рядом с высоким и красивым юношей, который считает меня красивой. Одноклассники станут шептаться, но он утрет всем им нос. Мы будем вместе, и никто уже не посмеет меня обзывать.

– Спасибо, бабуль! – Обняла крепко-крепко, прижалась к ее теплой груди и замерла.

– Ладно! – Она погладила меня по спине. – Ступай, а то и так уже опаздываешь. И смотри, поздно не возвращайся!

– Конечно!

Поправив прическу, я улыбнулась и радостно выпорхнула наружу. Когда дверь закрылась, подошла к квартире Ярика. Замерла. Наверное, он уже в школе. Да мы и не договаривались идти вместе. Пританцовывая, спустилась по ступенькам и вышла на улицу. Помахала бабуле – та хмурым стражником наблюдала за мной из окна – и с легким сердцем пошла в школу.

Интересно, как он отреагирует, когда увидит меня? Все-таки я сделала укладку, накрасила ресницы и даже... Чуть не забыла! Достала из сумочки флакончик духов и нанесла по капельке на запястья и за уши. Вот теперь точно все, я во всеоружии.

Торжественная часть была недолгой. Нас поздравили, быстро вручили аттестаты и пригласили за столы. Пришлось

садиться со своим классом. Желудок при виде еды призывно заурчал, но тут же успокоился: Ярик приветственно махнул мне рукой и показал большой палец. Теперь мне было не до поглощения пищи. Что это значит? Он оценил то, как я выгляжу? Ему понравилось?

Но он был занят разговорами с одноклассниками и на меня больше не смотрел. Начались дурацкие конкурсы: одни участвовали, другие смеялись, а учителя всех подбадривали. Салат на моей тарелке остался нетронутым: есть совершенно расхотелось.

И вот свет окончательно погас, зажглись огни цветомузыки, под потолком заискрился зеркальный шар, и все бросились на танцпол. Я вышла из-за стола и встала у стены. Танцевать мне почему-то не хотелось, ждала, что Ярик ко мне подойдет, но его нигде не было видно.

На танцы после девяти вечера стали пускать всех желающих, и зал быстро заполнился. Тут я заметила Ярослава – он стоял в окружении своих одноклассников и парней из старших классов, среди которых был и Левицкий с друзьями. Его присутствие почему-то заставило меня содрогнуться, неприятное предчувствие пробежало мурашками по спине.

Мне было одиноко. Все вокруг веселились, смеялись, танцевали, а я подпирала спиной стену и не решалась подойти к Ярику. «Хотел бы, сам подошел», – уговаривала себя. А потом включили медленный танец. Все разбились на парочки, и на танцполе стало заметно свободнее.

Янка уселась обратно за стол, чтобы обсудить с подружками танцующих. Они показывали пальцами на более удачливых девочек и тихо смеялись. Я сделала вид, что мне и дела нет до этих медляков, потому что заметила, что ко мне направлялся один из одноклассников – Витя, мелкий ботаник в очках. Не хватало еще, чтобы над нами ржали, да и не хотелось, чтобы Ярик видел меня с другим.

А Ярик даже не оборачивался. Стоял поодаль, никак не реагируя на происходящее. Что-то оживленно обсуждал с друзьями, а позже и вовсе вышел. Тогда мне и стало все равно. Воспользовавшись тем, что толпа вновь оккупировала танцпол, просочилась в самую гущу и немного потанцевала вместе с Тасей Фроловой. Там никто не видел нас и некого было стесняться.

Настроение заметно поднялось. Вечер, который я так долго ждала и на который возлагала большие надежды, теперь не казался таким уж дрянным. «Да, мальчишки, они такие. Танцы – это не для них. Им бы постоять в сторонке. Так что все нормально. Сейчас, когда все разогрелись, смущение отойдет на задний план, и Ярик подойдет ко мне».

– А сейчас, – диджей хохотнул в микрофон, – белый танец. Девушки наконец-то смогут пригласить на танец парней. Дерзайте!

И медленная композиция плавно сменила быструю. В зале наметилась общая растерянность. Кто-то спешил вернуться за стол, другие оставались, чтобы их кто-то пригласил, тре-

тьи без стеснения хватали того, кто рядом, и уже танцевали.

Я одна не двигалась с места. Борясь со смущением, оглядывала темный зал в поисках Ярика. И нашла его. Сейчас или никогда, решила я, нужно расставить точки над «і». Мы потанцуем, и все встанет на свои места даже без слов, потому что слова нам не нужны – и так ясно: я хочу быть с ним, а он со мной. Пришло время переступить через неловкость и просто быть вместе. Я медленно двинулась сквозь толпу.

А дальше как в замедленной съемке. Случайный поворот головы. Нет, не случайный: он ищет меня глазами и находит. Смотрит. Понимает, что я иду к нему. На мгновение я закрываю глаза и представляю, что расстояние между нами всего шаг – раз, и мы в объятиях друг друга. Открываю веки: он все еще передо мной. Иду.

Ни на кого не обращаю внимания. Все для меня исчезли, остался лишь Ярик. И он это понимает. Я напрягаюсь всем телом и ищу в его глазах одобрения... но его взгляд пуст.

Нет! В нем неловкость, страх, он вовсе не хочет, чтобы я подошла к нему сейчас.

Ярик на секунду отворачивается, а потом поворачивается снова – проверяет, не передумала ли я, не растворилась ли в воздухе, как мираж. Я вижу это, но уже не могу остановиться.

– Дамы приглашают кавалеров! – засмеялся кто-то.

Я вижу, что Ярослав теряется. Он паникует, переминаясь с ноги на ногу и бросая короткие взгляды на приятелей. А

потом... вцепляется в подошедшую к нему Янку, точно в спасательный круг. Она даже не успевает сказать ему, что хочет пригласить на танец: он хватается ее и прижимает к себе.

Спасается от меня. Мое сердце с треском падает вниз и разбивается об пол, а ноги все еще идут. Господи, останови меня! Зачем я это делаю? Зачем продолжаю идти к нему? Стой!

Янка смеется. Она готова танцевать, но Ярик не двигается. Смотрит на меня. В его взгляде мольба о прощении. Он бледен как никогда.

– Даш, ты что-то... ты хотела? – бормочет он, забывая порядок слов в предложении. И нервно дергает головой. – Я пока 3-3-занят...

Его слова растворяются в шуме.

– Думала, ты потанцуешь со мной, – зачем-то говорю я.

Заткните меня кто-нибудь! Не может же это унижение продолжаться бесконечно! Руки у меня дрожат, сердце сильно-сильно бьется. Я вижу, как все на меня смотрят и как внутренне борется с собой Ярик.

Поворачивается и Янка. Глядит на меня, наморщив лоб:

– С тобой? Потанцевать? – смеется она. И дальше по словам, отчетливо: – Да ни-ког-да!

Я растворяюсь в пространстве вместе с услышанным. Чей-то смех пощечиной бьет меня по лицу. Кажется, смеются уже все. А Ярик молчит. Он так растерян, что мне его жаль.

– Иди, пока горячее не остыло, – говорит кто-то из пар-

ней, – пусть потанцует с нормальной девчонкой.

– Эй, заткни пасть! – рявкает Левицкий. Он подходит ближе и улыбается мне в лицо: – Можешь со мной потанцевать, крошка. Я люблю фигуристых.

Они ржут. А я смотрю Ярику в глаза. И жду. Чего – сама не знаю, но жду. А потом вижу, как Яна ведет его в танце, и пячусь назад. Ноги дрожат, в гудящей голове звоном разбитого стекла отдаются чужие насмешки, пот застывает на моей шее ледяным дождем.

– Даша... – читаю по его губам.

Он сожалеет. Да, он сожалеет... но продолжает с ней танцевать. Не верю!

Он с ней танцует, глядя, как я отхожу. Это помогает мне очнуться и в полной мере почувствовать боль, которая рвет душу напополам. Мы смотрим друг на друга в последний раз.

Никаких первых поцелуев, никакого романтического дерьма, которое я успела себе напридумывать. Я просто жирная девочка-подросток, которую в очередной раз унизили при всех. Я просто неудачница, которая мчится в темноту ночи, захлебываясь слезами и спотыкаясь о собственное сердце.

Сначала я шла. Просто брела, прокручивая в голове произошедшее. И всякий раз буксовала на том моменте, когда руки Ярика жадно обхватывали талию Яны. А потом я побежала. И бежала все быстрее, боясь остановиться.

Вряд ли бы у меня получилось убежать от себя, но подальше от смеющейся толпы, пожалуй, вышло. Как я могла подумать, что нравлюсь ему? Когда я успела сделать такие выводы? Почему решила, что этот красивый мальчик захочет встречаться с такой толстухой, как я?

Возможно, я сама была виновата, но он обнадежил меня – своими словами, поступками, взглядами. Лучше бы мы и дальше ходили одной дорогой и не замечали друг друга! Лучше бы делали вид, что не помним общего прошлого и детских совместных игр. Мы выросли, и наши игры стали жестокими. Что же мне теперь делать? Я не смогу еще два года ходить с ним в одну школу. Не смогу сталкиваться на лестничной площадке. Просто не переживу этого!

– Даша! – звук моего имени разнесся по всему двору, разорвав тишину.

Я даже не обернулась. Понеслась еще быстрее к подъезду, словно от этого зависела моя жизнь. Не видеть, не слышать его, больше никогда не смотреть в лицо.

– Дашка! – раздалось совсем близко.

От этого голоса иглы страха и паники впились мне в спину, все тело съежилось, как от удара.

– Стой! – Он настиг меня у подъездной двери.

Я успела дернуть ее на себя, но он придавил ее рукой.

– Отойди, – попросила я, задыхаясь.

У боли горький, металлический привкус – теперь я точно знала это.

– Подожди! – Ярик согнулся пополам, уперев ладони в колени. Ему никак не удавалось отдышаться. Вероятно, он несся за мной во весь опор. – Подожди!

Я не смотрела ему в лицо – не могла. Мне хотелось убежать, но на моем пути все еще стоял он.

– Даш, давай поговорим!

Он протянул ко мне руки – какой нелепый жест. Будто разговоры что-то могли исправить. Будто он дотронется до меня – и я вдруг оттаю. Но это невозможно.

– Нет! – голос застрял у меня в горле, сойдя на слабый писк.

– Я... Я... Подожди! – Ярик хотел коснуться меня, но я отшатнулась. – Позволь объяснить!

Я подняла на него взгляд. Эти глаза, эта улыбка – все то, что успела по-настоящему полюбить. Чужое. Холодное. Отталкивающее. Глаза, глядя в которые я снова переживала ужасное унижение.

– Что тут объяснять, Ярик? – Его имя, как нож на моем языке. – Что? Убери руки и дай мне пройти!

Меня трясло, но я не собиралась снова показывать ему свою слабость. Лихорадочно придумывала, как бы обойти препятствие и сбежать, пока слезы снова не заполнили глаза.

– Я... – Его веки налились краснотой. – Я сам не понимаю, почему... я... – Он зажмурился.

Его руки все еще тянулись ко мне в умоляющем жесте.

– Не надо, Ярик! Простопусти меня. Я все уже видела. Твои друзья хорошо посмеялись надо мной. Надеюсь, тебе тоже было весело.

– Даша! – воскликнул он.

– Одного только не понимаю, зачем ты пошел за мной?

– Даш, позволь мне все исправить!

– Зачем?

– Ты... ты важна для меня.

Как же тяжело ему дались эти слова. Я пошатнулась, не чувствуя ног. Шумел теплый ветер, во дворе скрипели старые качели, деревья мягко шелестели листвой.

– Если я тебе важна, ты мог бы меня защитить. – Теряя силы, я прислонилась к холодной стене. – Неужели тебе так важно было их мнение?

– Прости меня, Даш. Прости! Прости!

– Или ты опьянел от славы? Слишком много девушек появилось вокруг?

Ярик дрожал, кусая губы.

– Я не знаю, что это. Я... Даш, я растерялся. Клянусь, я все исправлю. Я смогу. Поверь! – Прекрасные темные глаза

на прекрасном лице смотрели на меня, заставляя исчезнуть к черту весь остальной мир. – Пожалуйста! Знаю, мне нет прощения, но...

– Трусость не лечится.

– Да-а-аша! – он позвал меня с такой непередаваемой нежностью, что защемило в груди.

Он был так близко. Рядом – почти вплотную ко мне. Его частое дыхание обжигало мою кожу. Мои коленки тряслись, кровь шумела в ушах.

– Ты сделал выбор, – прошептала я.

– Нет!

– Сделал.

– Нет! – Ярик отчаянно тряс головой.

– Я так в тебе ошиблась... Дурочка! Так сильно ошиблась.

Ты стыдился меня. А теперь мне стыдно за тебя.

Мне казалось, что я слышу, как отчаянно бьется его сердце.

– Дашка, – его запах окутал меня жарким одеялом, от его тепла закружилась голова, – Дашка, я идиот, – пробормотал, нежно касаясь пальцами моего виска и щеки, – сразу не понял. Я ж без тебя не смогу, Даш...

Он разомкнул губы, чтобы глотнуть воздуха, я посмотрела ему в глаза.

– Иди своей дорогой, Ярослав. Нам больше не по пути. – Толкнула его изо всех сил, дернула на себя тяжелую дверь и помчалась вверх по лестнице. – Уходи!

Конечно, он бросился за мной. Я слышала его тяжелые шаги в полутьме подъезда. Бежала, почти не разбирая пути, запинаясь, падая и поднимаясь вновь.

– Дашка! Даш, пожалуйста! Даш! Ты же знаешь, что ты мне всегда нравилась!

– Я нравилась тебе так сильно, что ты не был способен признаться в этом своим ничтожным друзьям!

– Я прямо сейчас всем скажу. Остановись!

– Ты даже отцу не можешь признаться, чего на самом деле хочешь!

Мы пробегали пролет за пролетом. Я хваталась дрожащими пальцами за перила и подтягивалась, чтобы подниматься еще быстрее. Воздух обжигал сухое горло, пульс стучал в ушах барабанной дробью.

– Дашка, я ведь тебя люблю!

Это абсолютно ничего не меняло!

– Никогда не поверю... – Непослушные пальцы выронили ключи.

Я присела, нащупала их, судорожно вставила в замочную скважину и повернула.

– Люблю... – Ярик схватил меня за локоть, лихорадочно потянул на себя.

– Так не любят! – Я толкнула дверь.

– Подожди! – не сдавался он.

Я обернулась. В его глазах застыли слезы. Кажется, он готов был встать на колени. Но этим, увы, ничего не испра-

вишь. Поздно!

– От-пус-ти! – Я вбежала в квартиру.

– Даша!

– Знаешь, кем я тебя считаю? – прокричала я. – Жалким неудачником! Трусом! Иди, смейся со своими друзьями надо мной и дальше. – Ударила ладонями по двери. – Ненавижу тебя! Уходи! Не хочу тебя больше видеть! – Я сползла на пол и дала волю слезам.

– Что такое? Что случилось? – спросила сонным голосом бабуля, включая свет в прихожей.

Ярик колотил в дверь, а я сидела на полу и продолжала плакать.

– Открой! – слышалось снаружи.

– Да что стряслось? – еще раз спросила бабушка.

Она присела рядом со мной. Я принялась мотать головой, чтобы она не смела открывать ему дверь.

– Девочка моя... – Бабуля стирала шершавыми ладонями слезы с моих щек, но те упрямо продолжали катиться.

– Уходи, уходи, – жалобно и тихо повторяла я, не в силах произнести ничего другого.

– Все, милая, все. Уже все. Он ушел.

– Прости! – Я высвободилась из бабулиных объятий и поплелась в свою комнату.

Сорвала с себя несчастное платье, дурацкие колготки, достала из волос заколки и швырнула на стол. А потом рухнула на кровать. Кажется, за стеной опять ругались. Я спрятала

голову под подушку. Стало тихо. В этот момент я поклялась себе больше никогда ни в кого не влюбляться.

Ни-ког-да.

На следующий день я проснулась от того, что горело все тело.

Видимо, мой организм отказывался принимать случившееся, поэтому у меня поднялась высокая температура. Я лежала, ощущая полную безнадежность. И мне хотелось болеть бесконечно, чтобы можно было не вставать с постели и не возвращаться в обычную жизнь.

Бабушка очень переживала. Она хлопотала вокруг меня, недоумевая, чем же я заболела. Давала лекарства, посоветовавшись с врачами, варила бульон и чай, от которых я неизменно отказывалась, и протирала мокрым полотенцем мой лоб.

Доктор, дважды приходивший по вызову, сетовал на респираторную инфекцию, хотя никаких ее симптомов у меня не было. Я просто лежала с высоченной температурой и отказывалась реагировать на внешний мир. Один сплошной недостаток – вот кем я себя тогда считала. А еще посмешищем. И ни о чем другом думать не могла.

Единственное, на что откликалось мое сердце, – это раздающиеся время от времени телефонные звонки. Каждый раз оно замирало, когда бабуля подходила к аппарату. Каждый раз оно почему-то глупо надеялось, что это он. Но всякий раз оказывалось, что это кто-то другой.

Больно.

Лихорадка продолжалась около недели. Мне казалось, что я ее вызываю силой воли. Но скоро я начала оживать.

Одним солнечным летним утром я вдруг проснулась от осознания одного странного факта: все это время за стеной никто не играл на фортепиано. Удивительно, я настолько привыкла к этим звукам, что теперь мне их не хватало. Что и говорить, Ярика мне тоже не хватало. Я злилась на него, обижалась и очень скучала. Безумно хотела, чтобы он пришел, я бы его простила. Ждала, что позвонит. Но он не давал о себе знать.

Хотя ничего странного в его поведении не было, ведь я оттолкнула его, когда он хотел поговорить и все объяснить. Возможно, мы могли бы остаться друзьями, но из-за острой боли я не слышала его. И теперь... теперь... Черт! Теперь я люто ненавидела его... и все еще считала самым красивым на свете.

А потом я начала заедать свою беду вкусностями. Сладкое всегда избавляло меня от огорчений. Я лежала в постели, читала и ела.

Нет, не так: ела, ела, ела, ела, ела...

Затаскивала в кровать по две-три книги, ставила рядом пирожные и булочки и беспрерывно читала, заедая буквы калориями.

И бабушка снова мне потакала: она была доведена моей недельной голодовкой до такого отчаяния и теперь просто

радовалась, что я снова ем.

Постельно-жральная забастовка длилась еще пару недель. Я заедала стресс, а чтение книг отвлекало меня от необходимости думать о своей горькой доле. К зеркалу я тоже не подходила. Зачем? Чтобы испугаться собственного отражения? Я отвергала себя всеми возможными способами. Я видела, как и люди вокруг, только жир. Страшную, закомплексованную гору жира.

И я поняла, что прежней оставаться нельзя. Нужно что-то менять – в питании, мировоззрении, отношении к своему телу. Трансформировать его либо принять таким, какое оно есть. Добиться такой фигуры, чтобы осенью одноклассники ахнули от удивления, или вооружиться самоиронией, чтобы никто, кроме меня самой, больше над моим весом шутить не смел. Я наконец-то решила выйти из дома и пошла записываться в тренажерный зал. Девушка-администратор посмотрела на меня понимающе. Предложила бесплатное занятие для худеющих и с инструктором на тренажерах для начинающих.

Войдя в зал, я с облегчением выдохнула: группа состояла из двух десятков таких же полных людей, как я. Разного возраста женщины и девочки пугливо озирались. Стройными были сухонькая пенсионерка и тренер в обтягивающем зеленом трико и с широченной улыбкой.

– Выполним несколько легких упражнений! – предложила она.

И все принялись выполнять вслед за ней «несложные» движения, от которых уже через пять минут с меня градом катился пот. Еще через столько же волосы прилипли к покрасневшемуся лицу, а спину и ноги стало нестерпимо ломить. Я задыхалась, голова кружилась, глаза лезли из орбит, но приходилось терпеть.

Никто не отлынивал. Судя по лицам присутствующих, половина из них находилась на грани обморока, а другая половина, мечтая о побеге, тайком поглядывала на дверь. Но нас так ласково подбадривали, что молить о пощаде было стыдно.

Когда я поняла, что больше нет сил, тренер радостно сказала: «Закончили разминку!»

И вот тут я поняла: ад только начинался. Еще примерно час мы активно размахивали руками, ногами, делали выпады, приседали и шумно дышали. Перед моими глазами плыли всевозможные пирожные, а за ними (уже фоном) таявшие в сизом тумане мечты о новой фигуре. И каждый короткий перерыв мне хотелось уползти – лучше сдохнуть в буфете, чем среди двух десятков потных теток, мечтающих о теле, как у Барби.

– Встретимся завтра! – улыбнулась тренер на прощание.

Но я уже знала, что мы с ней не встретимся никогда.

Лежа дома на кровати, я отчаянно плакала в подушку. А ночью встала, сожрала содержимое холодильника, но облегчения не почувствовала. Мучимая чувством вины, вороча-

лась всю ночь, а утром снова поплелась в зал: может, на тренажерах будет легче?

Но ничего подобного! Коротко рассказав о плане питания и перспективах похудения, мой инструктор приступила к методичному избавлению меня – нет, не от жира, а от жизни. Все тренажеры были изощренными орудиями пыток, придуманными кем-то для издевательств над другими подопытными худеющими.

К концу занятия я твердо уверилась в мысли: только сумасшедший мог по собственной воле ходить сюда несколько раз в неделю. А те, кто говорил, что получает удовольствие от физических нагрузок, те и вовсе что-то принимали. Ну не может человек, находясь в трезвом уме, добровольно крутить педали или тягать тяжести, при этом счастливо улыбаться!

– Девушка! – позвал меня кто-то, когда я, взвалив на плечо сумку, собиралась смыться из этой обители стройности навсегда.

– Да? Вы это мне? – обернулась я.

Передо мной стоял пожилой мужчина с бейджиком тренера. Круглое лицо, узкие раскосые глаза, поджаренная на солнце кожа.

– Вам-вам! – Он так искренне улыбался, что мне захотелось ему довериться. – Я наблюдал за вами.

– Что? – Мне стало как-то неуютно.

Но вновь появилась располагающая добрая улыбка, и вол-

на недоверия схлынула. Что плохого он может мне сделать?

– Вы не хотите позаниматься в нашей секции? – Он показал на соседний зал. – Знаете, качаться с мужиками... Да и, если честно, все эти тренажеры малоэффективны. Вам другое нужно.

– А что за секция? – Поддавшись его природному обаянию, я шагнула в сторону зала.

Мужчина расцвел еще пуще.

– Восточные единоборства. Только в них ваши движения обретут нужную координацию, фигура станет крепче и придет в ту форму, которая нужна.

– Ух ты! Думаете, у меня получится?

– Несомненно! – Мужчина аккуратно подтолкнул меня к двери. – Я всегда вижу задатки в людях. Еще ни разу не ошибался.

– Правда?

– Уверен, что сделаю из вас чемпионку всего за полгода. Специальная диета, тренировки – мой подход всегда дает нужные результаты. Вы сможете гордиться собой и своими достижениями.

– Ну, пойдёмте посмотрим... – смущенно улыбнулась я.

Протиснулась в дверь и... уронила челюсть. В круге посередине зала обменивались воинственными взглядами две пышнотелые девицы в эластичных купальниках. Они стояли, широко расставив ноги и наклонившись вперед, и оглядывали друг друга так, будто собирались съесть. И, судя по

их весу, эти дамочки уже не одного соперника съели.

– Сумо?! – выдавила я из себя, когда борцы кинулись метелить друг друга здоровенными ручищами и толкаться мощными плечами.

– Да, самый красивый вид спорта!

– М-да...

Выглядели девушки так, будто единственное, в чем они соревновались, это кто больше веса накопил. И, глядя, как колышутся их телеса, я медленно попятилась.

– Н-н-нет, спасибо.

Мне нужно было подумать. А где лучше думать, если не за едой? Я забежала в кафе, заказала много еды и два компота, чтобы запить все это безобразие. Села и принялась ждать.

– Даша? – раздался чей-то голосок.

Я оглянулась – Маша Сурикова. Меньше всего мне хотелось, чтобы кто-то видел сейчас мое раскрасневшееся лицо.

– Привет, – попыталась я улыбнуться.

– Ты одна?

– Да.

Она присела на краешек стула.

– Как каникулы? – Девчонка старалась быть вежливой, и мне не хотелось ей врать, что я прекрасно провожу лето, в то время как сама и света-то солнечного не видела.

– Хорошо. Вот решила перекусить после спортзала.

В этот момент, к моему стыду, подошла официантка с подносом. Она принялась расставлять на столе две солянки,

два мясных рагу, два десерта, компот, хлеб и три большие булочки. Тарелки заняли почти весь небольшой столик.

– Ты ждешь еще кого-то? – Маша удивленно распахнула глаза.

– Я? Э... нет... – Мои щеки вспыхнули. – Это... это не мое.

Официантка еще не успела отойти, поэтому уставилась на меня с недоумением.

– Наверное, какая-то ошибка, – проблеяла я, с головы до кончиков пальцев покрываясь краской, – я просила только булочку и компот...

– Ну как же. – Нахмурившись, девушка достала из кармана блокнот и громко и выразительно зачитала весь мой заказ.

Мне хотелось утопиться в проклятой солянке, чтобы пре-
кратить это унижение.

– Нет, вы меня с кем-то перепутали, – настаивала я, пряча глаза.

– Ничего. Я тоже проголодалась и могу помочь тебе съесть это! – улыбнулась Маша.

– Прости! – Я закрыла лицо ладонями. – Так стыдно.

– Все нормально, – мягко и тепло отозвалась она.

И мы с ней набросились на еду, а потом долго болтали, обсуждая всякие девчачьи глупости и не вспоминая об инциденте. Я начала перечислять блюда, которые умею готовить, а Маша с интересом уточняла какие-то детали. А когда мы вместе шли домой, она вдруг сказала:

– Знаешь, я думаю, ты могла бы найти какое-то интересное применение своему таланту к приготовлению еды.

А ведь Маша права: я обладала настоящим кулинарным чутьем. Я могла интуитивно смешивать ингредиенты без пошаговых рецептов и наставлений бабули. Я создавала настоящую симфонию вкуса из простых продуктов, и этот процесс был настоящим творчеством! Возможно, именно это могло бы стать моим любимым делом...

И следующим этапом спасения от падения в пучину депрессии стал кулинарный загул. Я накупила книг с рецептами и продуктов. Бабушка мой выход из постельно-жральной забастовки приветствовала обеими руками.

Несколько дней с утра до вечера я штудировала информацию о правильном питании: основы, рецепты, правила, продукты. Еще несколько дней не вылезала из кухни – готовила. Бабуля уже и не знала, куда девать наготовленное мной: она и коллег успела накормить, и кое-кого из соседей. А потом я внезапно ударилась в изобретение собственных блюд. И никак не могла остановиться.

– Ба, я буду готовить так, чтобы люди не поправлялись! – тараторила я, стирая кокосовую муку со лба.

– Разве так бывает, Дашуня?

– Да! Люди будут объедаться и при этом худеть!

Я забрала из школы документы и подала их в кулинарный колледж. Революция в питании, изысканные десерты, от которых не полнеют, сладкая диета – все это захватило мой ум

настолько, что я больше не мела из холодильника все подряд. Мой аппетит заметно поутих. Я много ходила пешком, помогала бабушке в саду, а в свободное время изучала принципы здорового питания и ела часто, но помалу.

Я не могла дождаться момента, когда начнутся занятия, и мне очень хотелось поделиться новостью о моей затее с кем-нибудь. Каждый день, шагая по набережной, я вспоминала наши с Яриком разговоры, снова и снова прокручивала в памяти наши веселые прогулки. Улыбалась, представляя, что лежу с ним на полу в его комнате, слушая старые пластинки, и наши сердца снова бьются в унисон.

– Я прощаю тебя! – вот что я собиралась ему сказать.

Но никак не могла набраться смелости. Остановилась возле его двери, замирала, но не решалась постучать. «Он сам. Он первый должен», – говорил внутренний голос. И я заходила к себе, воображая, что он смотрит на меня в дверной глазок и сейчас выйдет и скажет: «Даша, привет! Я скупал!» Но этого не происходило.

– Даша, – позвал меня кто-то, когда я в очередной раз замялась на лестничной клетке. Это была его мама.

– Здравствуйте! – Воздух застрял в горле от волнения.

У этой женщины были его глаза. Она стояла на пороге своей квартиры и смотрела на меня так печально, будто собиралась разреветься.

– Даша, он тебе пишет? Звонит?

– Кто? – спросила я.

По спине от неприятного предчувствия побежал холодок.

– Ярик. Он тебе не звонил? Мы так переживаем.

– Что случилось?

Сердце застучало быстрее, набирая обороты.

– Я думала, что, может, он хотя бы тебе сказал, куда собирается... – Свет в ее карих глазах потух.

– Я не знала, – я подошла к ней ближе. – Я не знала, что он... Где он?

– Не знаю. – Женщина покачала головой. – После выпускного он просто собрал вещи и ушел.

12

После разговора с мамой Ярика я уже знала, что бесполезно набирать его номер, но все равно не удержалась. Видимо, чтобы самой убедиться – абонент находился вне зоны доступа. Ярик не хотел, чтобы его нашли, потому и отключил телефон.

– Его ищут? – причитала бабушка. – Родители обратились в полицию?

– Обратились, – кивнула я, продолжая упорно набирать номер, словно это что-то могло изменить. – Но полицейские, похоже, бездействуют, они даже к нам не пришли, чтобы спросить о нем!

– Но ведь он еще ребенок...

– Он сам ушел. – Я отложила телефон и посмотрела в окно. – Их главный аргумент: Ярик – взрослый пацан, который сам ушел из дома. Ребята такого возраста могут жить в общежитии и учиться в ПТУ, сами себя обеспечивая. Полицейским плевать, что он в отчаянии и мог наделать глупостей!

– Бедная Таня! Надо сходить к ней, поддержать ее.

– Она переживает, а отец Ярика строго запретил ей искать его и рассказывать соседям о случившемся. Он даже плакать ей запрещает.

– Очень на него похоже. – Бабушка присела на край кровати и вытерла подступающие слезы. – Этот человек привык

диктовать жене и сыну, как им себя вести. Помню, они даже чихнуть не смели без его разрешения. Надеюсь, теперь опомнится, сделает выводы. И как только у мальчишки хватило смелости послушаться? Что теперь будет?! Где его искать?!

Я молчала и смотрела в окно. Наверное, бабушка понимала, что я тоже виновата в том, что Ярослав ушел из дома. Мы были близки, но я даже представить не могла, где он находится и куда может пойти. Одна надежда, что ближе к первому сентября парень вернется, ведь начнутся занятия в школе.

Но он не вернулся.

И, как стало известно позже, Ярик еще летом забрал свои документы. Полицейским удалось выяснить, что он поступил в вечернюю школу одного из районов, и его сразу же отыскивали. Он жил у друга в пригороде. По словам матери Ярика, они поговорили, но возвращаться он категорически отказался.

Радовало хотя бы то, что с ним ничего не случилось. Но смотреть на его маму было больно: для нее будто весь мир перевернулся. Ходила молчаливая, глаза в пол, заметно осунулась, постарела. Наверное, ей тоже не хватало света его глаз и той дивной музыки, которая когда-то ежедневно наполняла их дом.

А у меня все понемногу налаживалось. Переживать стало некогда: занятия в колледже затягивали. Сперва я пожалела, что поступила: вот как совмещать желание похудеть с вечны-

ми разговорами о еде на лекциях и жестоким столкновением с ней же на практических занятиях? Но процесс оказался настолько увлекательным, было интересно, да и времени для сожалений не оставалось.

У меня появились новые друзья. Например, Арина – невысокая, полная, румяная хохотушка, которая никогда не отказывала себе в еде и даже не подозревала, что с ее фигурой что-то не так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.